

Алесса Кайру

ПЯТЬ СЕРДЕЦ
СОПРЯЖЕНИЯ

Лесса Каури Пять сердец Сопряжения. Том 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Их пятеро. Они – выходцы из разных цивилизаций, имеющие разные взгляды на жизнь, образование, вероисповедание, прошлое. Кто-то из них пытался выжить на улице, кто-то с детства получал только самое лучшее. Что их объединяет? Фартум? Это странное место, которого нет ни в одном из пяти миров, о котором ходят легенды, и куда попадают только избранные, получившие золотой свиток императора? Несомненно. Но есть что-то еще. То, что заставляет их стеной вставать друг за друга, заботиться и защищать. То, что угрожает жизни каждого из них. То, о чем они не подозревают.

Лесса Каури Пять сердец Сопряжения. Том 1

Пролог

Носорог Дю с яростью швырнул бумаги в лицо побледневшего секретаря. Когда Дю злился, становилось ясно, за что ему – крупному, холеному, седеющему мужчине – досталась такая кличка. Его лицо краснело до коричневого, черты – замирали в неподвижности, превращаясь в страшную маску. Курносый нос будто заострялся, а над ним блестели в складках кожи маленькие глазки, полные ярости.

– Пита ко мне, сейчас же!

– Конечно, господин Ройбуш!

Секретарь, одной дрожащей рукой подбирая бумаги с пола, другой – набирал вызов в телефоне.

– Пит, зайдите к шефу. Немедленно.

И, посмотрев на Носорога:

– Он уже в пути. Две минуты.

– Отлично! – Дю откинулся на спинку своего шикарного кресла и передохнул.

Секретарь поспешил ретироваться, предусмотрительно

оставив собранные бумаги на столе, буде шеф, успокоившись, решит их перечитать.

Дю Ройбуш прекрасно знал, как за спиной называют его подчиненные, и втайне гордился кличкой. Носорог – символ силы, зверь, сметающий все на своем пути к цели! Однако подчиненные ошибались – не за маску ярости на лице прилипла кличка к нему. За саму ярость. Подобные приступы случались с ним редко – не умей Дю держать себя в руках, разве достиг бы высот в таком нелегком бизнесе, как запрещенная в Тайшельской унии торговля оружием между мирами-участниками? Однако иногда его накрывало... Как сейчас, когда он увидел, что мерзавец Демпси Монтегю вновь сорвал сделку с имперцами. Нахальный малый этот восемнадцатилетний сын его бывшего партнера по бизнесу – сэра Патрика! Или глупый... Хотя, нет, в уме ему не откажешь!

После аккуратного стука в дверь на пороге показался Питер Конн – глава Службы безопасности концерна «Терра ар-могнита». Этот высокий светловолосый человек с бледно-голубыми глазами, худощавый и вежливый, был в крови не по локоть, по самую макушку, а выглядел – как выпускник элитного университета и научный работник. И кличка у него была соответствующая: простая и элегантная – Лезвие.

Дю набрал секретный код на панели управления кабинетом, обеспечивая полную защиту – таким разговорам свидетели не нужны! Кивнул на кресло напротив. Бумаги, оставленные секретарем, как раз лежали ближе к тому краю стола.

– Пит, взгляни.

Лезвие послушно взял документы, пролистал, аккуратно положил обратно, улыбнулся уголками губ. Глаза остались холодны.

– Снова Монтегю-младший тревожит ваш покой, шеф? И насколько сильно?

– Крайне! – проворчал Носорог.

Конн убрал улыбку и спросил деловито:

– Несчастный случай или самоубийство?

– Первое. Демпси – позер. Гоночные машины, опасные рафты, бои без правил... Выбирай сам!

Питер встал, понимая, что разговор окончен. Остальное было делом искусства. Искусства убивать. То есть, только его делом. Но для проформы он поинтересовался:

– Я могу идти, шеф?

– Ступай, – кивнул Дю, недовольно глядя на бумаги.

Каждый должен заниматься своим делом. Пока Пит решит проблему с Демпси, он, Ройбуш, прикинет, как вернуть убытки от потери прибыльного контракта!

* * *

Уоллер Виллерфоллер стек по стволу огромной черной каплей и упал сверху на летучего ящера, выпустив когти в основания его крыльев. В таком опасном деле, как охота на дерчей, главное – не порвать их нежные летательные пере-

понки, ибо кому нужен птицеящер, который не может летать? Однако боль – прекрасный учитель. Дерч не могущий поднять крыло, долго сопротивляться не станет! Вот только Уоллеру, или Уолли, как звали его в семье, не повезло. Дерч оказался матерым самцом, а не молодым ящером, и видимо не знал о том, что не должен долго сопротивляться. Издав резкий крик, он спрыгнул с ветки, развел крылья, поймал термаль и вместе с ним начал подниматься ввысь, намереваясь оттуда сбросить опасный груз.

Спрыгивать с его спины было поздно – у тайерхогов скорость регенерации, конечно, выше обитателей остальных миров Унии, но не настолько, чтобы выжить, упав с высоты птичьего полета. Уолли перекинулся, не убирая когти. Только когда полностью стал человеком, страхуясь, втянул их сначала в пальцы одной руки, потом – другой. Дернул шнурок болтающегося на спине рюкзака с уздой. Тот раскрылся с хлопком, заставившим ящера вздрогнуть. Уолли, удерживая себя на его спине при помощи сильных ног и одной руки, другой умело накидывал петли на клюв и шею зверя. Теперь чуть сдавить ему горло, чтобы он ощутил, кто держит его жизнь в своих руках, и ждать, пока он ослабнет...

Дерч снова его удивил. Несмотря на удушье, лег на крыло и совершил резкий поворот вокруг оси, пытаясь сбросить всадника. Он бросался ввысь и камнем падал вниз, и каждый раз Уолли гадал – потеряет ящер сознание от недостатка воздуха и рухнет на землю, превратившись вместе с но-

шей в рваные ошметки когда-то живой плоти, или вновь вырুলит вверх. А в крови пел восторг, густо замешанный на смертельных пируэтах летучей твари, небо и земля менялись местами, и воздух резал обнаженную кожу холодом, словно клинком.

Крылья птицеящера пропустили взмах, затем еще один. Уолли чуть ослабил удавку, понимая, что этот раз будет последним. Зверь сильно ослабел, но продолжал бороться. Не его вина, что в легких не осталось воздуха, а сила покинула тело. Вот он задел верхушки деревьев, вот вломился в чащу и рухнул на берегу небольшой речки, распластав крылья и зарывшись клювом в песок.

Виллерфоллер прыгнул с ящера, не выпуская удавку. На него глянул золотисто-коричневый глаз. И закрылся кожистым тонким веком. Взгляд повелителя высоты был укоряющим, но не покоренным! Зверь готовился умереть, так и не смирившись с неволей.

Уолли потянул носом – братья скоро будут здесь, ведь они видели падение и учуяли его запах, едва он оказался на земле. Вряд ли они одобряют то, что он собирается сделать, но ему плевать. Для тайерхога нет ничего важнее свободы. Дерч, который уравновесил ее с собственной жизнью и не сдавался до последнего – достоин пощады!

Одним движением Уолли стащил узду и поспешно отступил назад, спрятавшись за стволом дерева. И уже оттуда издал переливчатый свист, которым всадники подгоняли яще-

ров. Дерч поднял голову и повернул ее на источник звука. Ощутил отсутствие удавки, сдавливающей шею. Поднялся, пошатываясь, сделал несколько шагов в сторону Виллерфоллера.

– Улетай, глупая курица! – закричал тот из-за дерева. – Мои братья идут сюда! Пшел прочь!

Дерч замотал головой, как упрямый мул, мощно взмахнул крыльями и тяжело поднялся в воздух. Однако силы его прибывали с каждой минутой. Птицеящер сделал круг над тем деревом, под которым укрылся Уолли, и полетел на запад, со свистом разрывая воздух движением собственной туши.

Спустя несколько минут на берег выпрыгнули два короткохвостых зверя песочного окраса с гривами, отливающими серебром. Тупые морды и большие лапы делали их похожими на представителей семейства кошачьих, но уши у них были острыми, как у волков.

– Живой? – обернувшись, первым делом спросил у брата, старший – Ленн, а младший – Билли, воскликнул:

– А где дерч?

– Живой. Улетел... – коротко отвечал Уолли, выходя из-за дерева.

Отцовская – черная – масть из троих досталась только ему.

– То есть как это улетел? – возмутился Билли.

– Сбросил меня, – пожал плечами тайерхог, – давайте домой, мама опять будет ругаться, что опоздали на ужин!

– Это точно! – усмехнулся Ленн, оборачиваясь.

Звери покинули берег реки, оставляя за собой примятую траву, взрыхленный песок и несколько перьев дерча, получившего свободу в обмен на мужество.

Дом Виллерфоллеров, основательный, двухэтажный, стоял под скалой на берегу лесного озера. С боковины скалы небольшая речка извергалась водопадом на похожую на синее стекло озерную гладь, а на ее вершине издревле гнездились белоголовые орлы. Гордые птицы жили здесь еще в те времена, когда тайерхоги сбивались в стаи и бродили по лесам, уничтожая все на своем пути. Нынче их, истинных детей мира Тэльфоллер, осталось немного. Они рассеялись по нему, строго соблюдая границы своих угодий и не покушаясь на чужие. Постепенно наполняющие Тэльфоллер пришельцы из соседних миров власть аборигенов приняли беспрекословно. Тайерхоги были жесткими, но справедливыми управленцами. Нынче на территории клана Виллерфоллеров располагались два промышленных комплекса, три большие деревни, основная часть жителей которых обслуживала комплексы, и тридцать хуторов, обеспечивающих остальных сельскохозяйственными продуктами. Глава клана – Ядгар Виллерфоллер целыми днями объезжал свои владения, иногда один, иногда с сыновьями, и казался вездесущим, однако ужинать предпочитал дома, иначе сердилась Динна – его жена. А этого грозный Ядгар не выносил.

Звериная троица опоздала на ужин на две минуты. С то-

потом, больше подходящим табуну лошадей, нежели тайерхогам, взлетела на второй этаж и разошлась по своим комнатам – умыться и одеться, чтобы спуститься к столу в подобающем виде.

– Это что? – поинтересовался отец, когда Уолли – чистый, причесанный, в белой футболке и зеленых шортах спустился в столовую.

Правая рука среднего сына была почти черной от кровоподтека – дерч приложил его об ствол, когда падал.

– Неудачная посадка, папа, – улыбнулся Уоллер, целуя руки матери. – Мама, ужин пахнет восхитительно!

– Он в тебя такой подлиза, дорогой? – засмеялась та, чмокая его в макушку – такую же черную, как и у главы семейства. – Вы опоздали на десять минут!

– Мама, мы опоздали на две, – сказал, входя, Ленн – высокий и широкоплечий блондин, фигурой похожий на отца-тяжеловеса больше, чем худощавый и мускулистый Уолли, – но приводили себя в порядок, чтобы не оскорблять твой изысканный взгляд своим диким видом!

Ядгар хмыкнул.

Динна заливисто засмеялась:

– И этот тоже, ты заметил?

– Ма-а-ам, я умру от голода, если не съем кабана! – Билли с еще мокрыми светлыми волосами плюхнулся на стул. – Кстати, ты прекрасно выглядишь!

Тут уж глава семейства захохотал так, что задрожали стек-

ла в рамках.

– Дорогая, я всего лишь тактик, – отсмеявшись, сказал он. – А здесь, похоже, стратегия... А кто у нас стратег?

– Мама! – в один голос сообщили сыновья.

Динне ничего не оставалось, как признать их правоту и подавать ужин.

После запеченного окорока со сладким картофелем Ядгар сделал знак среднему сыну остаться.

Тот поморщился, но не сделал попытки подняться со стула.

– Мне кажется, ты знаешь, о чем я хочу в очередной раз говорить с тобой? – сказал Виллерфоллер-старший.

Динна прихватила его тарелку и отправилась на кухню, напоследок оглянувшись на сидящих за столом мужа и сына. Она знала, о чем пойдет разговор, но не вмешивалась. Потом, в спальне, Ядгар перескажет беседу, и они ее обсудят.

– О том, что мне пора выбрать путь, – пожал плечами Уолли. – Отец за те два месяца, что после школы я живу дома, ничего не изменилось. Я не хочу учиться ни в горном университете, ни в сельхозакадемии. Мне это не интересно. Я рад за Ленна, который закончил горный и стал твоей правой рукой, я рад за Билли, который через год отправится в сельхозакадемию и после вернется под твое крыло. Мне хорошо дома, папа, но не настолько, чтобы оставаться привязанным к нему всю жизнь! Я хочу видеть другие миры!

– Ты уже посмотрел кое-что, – взгляд главы семейства был

серьезен, – что у тебя не задалось на Кальмеране? Отчего ты покинул его?

– Я снова не отвечу, папа, – вновь поморщился Уолли, – это не то, чем следует гордиться отпрыску Виллерфоллеров. Но кроме Кальмерана есть Земля, Фримм, Тайшел, наконец!

– Кому ты нужен на Тайшеле? – язвительно поинтересовался Ядгар. – Я имею в виду, кому ты нужен там настолько, чтобы попасть туда?

– Наверно, никому, – примиряюще улыбнулся Уоллер. – Отец, дай мне еще месяц! Месяц бездумной жизни, беззаботного детства...

– Тебе семнадцать, о каком беззаботном детстве ты говоришь? – рыкнул Ядгар, на мгновение показывая сущность зверя. Хлопнул ладонями по столу. – Значит так, сын. Через месяц ты или поступаешь в любое высшее учебное заведение любого из миров, либо остаешься дома навсегда, и я подбираю тебе невесту. Вполне возможно, вся твоя дурь оттого, что тебе пора остепениться и заводить семью.

– Договорились, – пробормотал Уолли, поднимаясь.

Когда в голосе отца звучал рык – спорить с ним не стоило. Так же, как и с матерью, когда она сильно понижала голос.

Поднимаясь к себе, молодой тайерхог с тоской думал, что придется устроить лотерею из высших учебных заведений, ведь ему все равно, куда поступать. Он никак не может определиться с интересом в этой жизни, но точно знает, что провести ее в лесах родного Тэльфоллера – не для него. Адрена-

лин, взрывающий кровяные клетки, волшебное чувство свободы и силы в борьбе с непокорным существом – вот то, что действительно заводит! Но кому в наше время нужны охотники на дерчей? Из древнего искусства охота превратилась в забаву для таких оболтусов, как он и его братья.

Уолли с раздражением толкнул дверь в свою комнату и резко остановился, поводя носом. В помещении был кто-то чужой. Только что. Мгновение назад.

Он осторожно шагнул через порог и тут увидел это. Оконная створка была приоткрыта, а на подоконнике мерцал, как угли, покрытые пеплом, свиток в золотой оплетке.

* * *

Малая столовая поместья фон Роков только называлась малой, однако великолепия в ней было – как в большой. Стены из мрамора цвета топленых сливок, ослепительно белые пол, предметы интерьера и занавеси из пены тончайших кружев. В простенках – портреты работ великих живописцев всех пяти миров Унии, включая знаменитые «Подсолнухи» Ван Гога. Не копии – подлинники. Герцог Карл Вильгельм Густав фон Рок и его дражайшая супруга Франсуаза Атенаис Клэр завтракали, сидя друг напротив друга за столом длиной в нейтральную пограничную зону.

– Где Анджей? – не повышая голоса, спросил глава семейства – акустика помещения вполне позволяла это сделать.

Супруга взглянула на изящные часики, украшавшие ее запястье.

– Заканчивает тренировку, скоро будет.

Бесшумно вошедший дворецкий остановился за правым плечом герцога, почтительно держа заваленный письмами поднос. Не прекращая завтрака, фон Рок принялся проглядывать почту. Герцогиня поднялась и подошла к окну, выходящему во внутренний двор. Солнце делило его надвое – ярко залитая светом половина была пуста, а вот на той, на которую падала тень трехсотлетних дубов, крутились волчками две фигуры и взблескивали молниями клинки.

Франсуаза улыбнулась. Мальчишки остаются мальчишками даже когда становятся воинами.

Фигуры внизу застыли. Анджей Карл Вильгельм и его учитель, мастер Бентони, отсалютовали друг другу мечами и разошлись.

Герцогиня вновь взглянула на часы, вернулась за стол и позвонила в серебряный колокольчик. Сын всегда точен – явится ровно через десять минут и спросит, почему температура омлета на долю градуса ниже положенной!

Неожиданно Карл издал звук, совершенно ему неподобающий, ни как герцогу, ни как мужу, ни как человеку, которого Франсуаза знала как облупленного вот уже тридцать лет.

Он произнес: «Ой!»

– Дорогой? – уточнила герцогиня, поспешно поднимаясь и подходя к нему.

И изменилась в лице, увидев лежащий у него в ладонях свиток в золотой оплетке, скрепленной... печатью императора.

Вошла горничная. Добавила третий прибор, тарелку с омлетом, накрытую крышкой и вышла, косясь на странные выражения лиц хозяев.

Фон Рок отпустил дворецкого, приказав оставить почту. Поднос не звякнул о полированную поверхность стола. Бумажные прямоугольники и свитки не дрогнули. Лишь равнодушно мерцало в руках Его Светлости послание императора.

– Франсуаза, – Карл поднял на нее взгляд, – возможно, я чего-то не знаю?

– Чего, дорогой? – в голосе герцогини не было ни одной фальшивой нотки.

– Наш сын... Разве в его поведении когда-нибудь были странности?

– Нет! – твердо ответила супруга. – Ну, если, – она лукаво улыбнулась, хотя взгляд был настороженным, – не считать тот случай, когда ему было четыре года, и он утверждал, что видит собаку, которой нет!

– Собаку? – изумился герцог.

– Ну, милый, в Тайшельской картинной галерее, в разделе межмировых шедевров, помнишь? Выставляли знаменитую картину Наймиса Роуза «Собака, гуляющая по берегу реки в солнечный день»?

– Ты даже название помнишь? – восхитился фон Рок.

Франсуаза пожала плечами:

– Во-первых, мой фонд оплачивал доставку картины с Фримма. На ней изображена река в лучах солнца, берега, покрытые травой и какими-то цветами. Никакой собаки, естественно, нет – в этом как раз и заключается ценность картины! Искусствоведы сломали головы, пытаюсь ее там найти. Причем слухи о том, что кто-то эту собаку все-таки видел, периодически появляются в СМИ. А во-вторых – ту выставку посетил сам император!

– Я в восхищении, дорогая! – Карл осторожно положил свиток на стол.

Двери распахнулись, впуская Анджея. Высокий, широкоплечий, с волосами пепельного оттенка – как у матери, и отцовскими пронзительно синими глазами, он казался старше своих восемнадцати. Каждый раз глядя на сына, герцогиня жалела тех девочек, что влюблялись в Анджея, надеясь на взаимность.

– Мама! – молодой человек, подойдя, поцеловал ей руку. – Отец! Доброе утро!

И прошел к своему месту, не обратив внимания на свиток – здоровый аппетит не дал этого сделать.

– Тебе письмо, – скучным голосом сообщил герцог.

– Откуда?

Анджей уже поглощал омлет. Быстро и аккуратно. Глядя на него, Франсуаза в который раз подумала, что мальчик взял от родителей лучшие черты, которые удивительным об-

разом сплавились в нем в цельную и сильную личность. Анджея Карла Вильгельма ждало большое будущее... И свиток, к сожалению, только это подтверждал!

– Из Фартума.

Слово упало в тишину. Очень осторожно Анджей положил вилку и, повернувшись к отцу, уточнил:

– Я не ослышался?

– Взгляни сам, – Карл кивнул на свиток. – Я не имею права сорвать императорскую печать, если письмо адресовано тебе!

Анджей подошел. Посмотрел на мать, заметил тревогу в ее взгляде, ободряюще улыбнулся. Мгновенье подержал свиток в ладонях, будто взвешивая последствия, а затем быстро переломил печать и сорвал оплетку.

И исчез в тот же момент.

Герцогиня начала оседать на пол. Карл успел вскочить и подхватить ее на руки, с тревогой вглядываясь в тонкое красивое лицо, на котором прожитые годы почти не оставили отпечатков.

– Это какая-то ошибка! – прошептала Франсуаза, не открывая глаз. – Дорогой... сколько лет там учатся?

– Десять... – тихо ответил муж. – Мы не увидим нашего мальчика десять лет...

Герцогиня вскрикнула и окончательно потеряла сознание.

Белка вышла из дома, когда столица начала тонуть в сумерках. Время воров. Ее любимое время. На улице было тепло, накрапывал дождь, точнее, висела морось, слегка разбавляла ароматы из сточных канав и загаженных водоемов. Нечистоты жители славного города Санмора выплескивали в канавы прямо из окон домов, и магистрату никак не удавалось отучить их от этого. Уже и болезнями пугали, угрожали, что наводнят город чумными докторами, а на площадях запыхают очистительные костры, как во время Черного года, когда болезнь с шиком прокатилась по всему Кальмерану и оставила за собой горы трупов, однако горожане делали так же, как делали испокон веков предки. Подумаешь, чума? Воздух будет чище!

В неприметной мужской одежде больше похожая на подростка, Белка неторопливо шла, стремясь держаться ближе к стенам и внимательно глядя себе под ноги – как бы не наступить в навоз. Мимо, бряцая доспехами, проскакал отряд рыцарей, и к сточным ароматам добавился свежий запах этого самого навоза – боевые кони благородных господ кушали хорошо и испражнялись соответственно. Лавочники уже забирали лавки – гасли огоньки в окнах. По улицам тек густой звук колоколов, зовущих на вечерню.

Белка поймала за рукав мальчишку-разносчика, возвра-

щавшегося домой, купила у него за медяк уже черствую булочку с чесноком и травами, и пока дошла до нужного места, с удовольствием ее слопала. Вот и ужин!

В Обители Святого жребия на площади Висельников начиналась служба. Белка редко бывала в храмах – ребенок, выросший на улице, привыкает полагаться во всем только на себя, не на бога. Поэтому сейчас с восхищением оглядывалась вокруг. Ее поражала не столько роскошь – за свои пятнадцать воровка уже успела наглядеться на богатые интерьеры – сколько красота и торжественность церемонии. Священнослужитель в белом одеянии держал в руках старинную чашу, чье серебро потемнело от времени, и лишь рубины и изумруды горели по-прежнему злыми глазами, подставляя ее лучам света, падавшим сквозь витраж с изображением Спасителя, будто паривший в воздухе. Самое яркое пятно в нефе, чьи углы кутаются в мягкий сумрак, как в меха, а в боковых приделах и вовсе царит тьма, потому что свет зажигают только по большим праздникам. Вокруг витража мерцала вязь сакральных писмен, отражающая божественные лучи, и свешивались на цепях многочисленные лампадки различной формы. Каждый желающий отблагодарить Спасителя мог купить такую, основываясь на своих возможностях и понятиях о красоте или богатстве. Среди классических Кальмеранских лампадок: длинных, украшенных завитками и подвесками из хрусталя, цветного стекла или самоцветов, встречались и подношения, оставленные жителями осталь-

ных четырех миров Тайшельской унии. Белка не была ни в одном из них, однако в материальных ценностях отсюда разбиралась неплохо. Ее хозяин, Сальваорес Кудрай по прозвищу Беронец, законно владел несколькими антикварными лавками, а неофициально держал половину черного рынка скупки и перепродажи краденых раритетов. Белка работала на него последние девять лет. Можно было сказать, что она довольна хозяином — он не бил ее, не насиловал, хотя часто склонял к близости, во время которой не бывал грубым. И платил достаточно, чтобы она могла снимать комнатушку без товаров, и не зависеть от какого-нибудь постоянно-го ухажера, который мог за полушку драть ее до потери сознания. Говорят, где-то была другая жизнь, в которой мамы укладывали дочерей спать, а отцы вели с ними разговоры по душам, в которой приходили сваты, расхваливая женихов: вежливых, красивых, добрых. Говорят...

Белка другой жизни не знала. Выживала на улице, как могла: иногда дралась из последних сил, но чаще пряталась. Однажды Сальваорес увидел, как виртуозно малявка влезает в форточку одного из домов, желая скрыться от таких же бездомных детей, вознамерившихся отнять у нее добытую краюху хлеба. Тогда он подстерег девчонку у другого выхода, схватил и засунул в свой экипаж, где предложил поговорить. Говорить с чужаком Белка не стала, но выслушала внимательно. Кудрай предложил ей защиту и работу, однако для начала следовало доказать ему, что она этого достой-

на. Задание было следующим: требовалось по печной трубе влезть в указанный им дом и украсть вазу со стола в гостиной. Когда, не побеспокоив и мыши, Белка попала по адресу и увидела вазу – уставилась на нее в изумлении. Да что в ней такого?! Самая обычная, глиняная, с трогательными ромашками, нарисованными на ободке. Зачем чужак обещал ей серебряник за вещь, коей цена на рынке – медяк? Вазу, тем не менее, она стащила – дал слово, держи, один из законов, за неисполнение которого улица сурово карает. Беронец заплатил обещанное и начал учить девочку воровскому ремеслу. Он показывал, как красться, словно камышовый кот, как метать ножи и владеть клинком, развивал ее гибкость и скорость, тренировал пальцы, ведь для карманника пальцы – особый инструмент. Он же сделал ее женщиной, обучив искусству ублажать мужчину. Белка никогда не влюблялась в него – между ней и учителем была заключена сделка, условия которой устраивали обоих. Пожалуй, она даже была благодарна за покровительство. Ведь кто знает, как закончила бы та шестилетка, не поймай ее на улице чужак и не затащи в свою карету?

Постепенно отступая в темный придел, Белка продолжала любоваться зажженными лампадками, и ее взгляд безошибочно вычислял подношения из других миров. Вот эта, из белого матового металла, с обилием острых углов – с Земли. Та, пластинчатая, больше похожая на произведение искусства, украшенная золотыми бабочками – с Фримма, а по-

чти над самым алтарем висит, чуть покачиваясь от сквозняка, лампадка в виде цветка с четырьмя лепестками из драгоценного маглора – металла, добываемого только на Тайше-ле. Вот из-за нее молодая воровка и оказалась здесь. Маглор обладал магическими свойствами – его не брала ржавчина, он умерял боль и исцелял раны, его ни пробивали не только клинки, но и прямое попадание из огнестрелов, распространенных на Земле. На Кальмеране этот металл был редкостью, за которую щедро платили. Кто-то когда-то щедро отблагодарил Спасителя, но нынче заказ был оплачен, а значит, его следовало выполнить.

Служба подходила к концу. Священнослужитель, наполнив чашу светом, устанавливал ее на алтарное возвышение и читал заключительную молитву. Певчие подпевали на четыре голоса, затейливая мелодия молитвы дурманила голову, вызывала на губах мечтательную и счастливую улыбку.

Белка бесшумно разбежалась, подпрыгнула и уцепилась сильными пальцами за край каменной кладки, образующей арку над входом в придел. Щель, образованная ее выступом, была узкой и изогнутой, поэтому воровке пришлось втискиваться в нее лицом вниз, а после вытягивать ноги и руки. Черная одежда позволила ей в сумраке слиться со стеной. Никто ничего не заметил. Ни довольные службой прихожане, расходящиеся по домам, ни служки, гасящие свечи у входа, ни, спустя час, ночной сторож, обходивший помещения с магической лампадкой. В придел он едва заглянул.

Как только старик вышел и загремел ключами, закрывая главную дверь храма, Белка выползла из щели и бесшумно приземлилась на пол. Попрыгала, чтобы размять ноги, после чего спокойно направилась в неф. Лампадки мерцали загадочно, как звезды в небе.

Чтобы достать маглор девушке снова пришлось прыгать. Невысокий рост, как оказалось, был не всегда хорош для вора. В конце концов, она уцепилась одной рукой за цепь, на которой висела лампада, а другой сняла ее с крюка, после чего спрыгнула вниз. Вытащила стеклянную колбу с горящим фитилем, осторожно, чтобы не погасло пламя, поставила на скамью: не след прерывать чью-то безмолвную молитву!

Белка упаковала лампадку в принесенную с собой заплечную сумку, закинув голову, посмотрела на витраж с изображением Спасителя, пробормотала что-то вроде: «Извини, Отец!» и направилась в дальний конец нефа, где накануне по указанию Беронца уличные мальчишки разбили один из витражей. Поскольку туда смогла бы влезть разве что кошка, храмовые служки не спешили поставить новое стекло. Однако Белка потому и звалась Белкой, что в некоторых случаях двигалась ловчее когтистого хищника. Вначале она выкинула сумку, затем просунула в отверстие одну руку, голову, скосила плечи, будто сложилась – и вытащила себя до половины. Втянула живот, ввинтила в раму узкие бедра и упала на землю.

Свобода! И как прекрасен ночной воздух после наполнен-

ной ароматами воскурений атмосферы храма!

Девушка подобрала сумку и поспешила в Пустошный район, где была назначена встреча с Сальваоресом. Старожилы рассказывали, что еще до того, как Санмор стал столицей Кальмерана, здесь была заболоченная низина. Однако за прошедшие годы город отвоевал у природы территорию, осушил и возвел на ней свои здания. Нынче в Пустошном районе располагалась тюрьма, выходившая на площадь с лобным местом, казармы стражи, рынок, а на окраине – бедняцкие покосившиеся хибары. Вечерами здесь стоял туман, и было пусто и жутко, словно сгинувшая после Черного года чума, выкосившая две трети населения города, затаилась именно здесь.

Беронец обещал ждать ее в одном из заброшенных домов. Снаружи тот казался вымершим, ни огонька, однако Белка знала, что Кудрай там, а если опаздывает – придет обязательно. В том, что касалось дела, Сальваорес был щепетилен.

Она взбежала по ступенькам, толкнула дверь и оказалась в... ярко освещенной комнате. Интуиция буквально взывала об опасности, но было поздно – путь к отступлению перекрыл здоровяк в плаще с капюшоном. Белка прищурилась, давая глазам привыкнуть. Свет, скрытый силовым куполом, снаружи виден не был – это и ежу ясно. Но для чего Беронцу тратить ценный свиток, активирующий поле, если товар можно разглядеть при слабом огоньке свечи? Девушка, наконец, проморгалась, и увидела Кудрая, в странной скрючен-

ной позе сидящего на колченогом стуле. Рядом с ним стоял высокий человек в плаще с откинутым капюшоном. Волосы с серебряным отливом и серо-стальные глаза выдавали выходца с Тайшела.

– Прости, детка, – прохрипел Сальваорес, и Белка поняла, что он не может пошевелиться, поскольку связан невидимыми путами. – Господа имперцы очень сердиты на нас за сегодняшнюю шалость! Мне пришлось рассказать им все... Верни то, что взяла в храме...

Она метнулась к узкому разбитому окну, откуда задувал ночной ветер, но страж у двери, несмотря на габариты, оказался быстрее. Спустя мгновение Белка, удерживаемая за шкуру, болталась, задыхаясь, у него в руке. Сероглазый, поймав брошенную ему сумку, вытащил и оглядел лампадку. После чего посмотрел на Белку. Легкое движение его брови – и она упала на пол, где и осталась сидеть, скрестив ноги и нагло разглядывая его в ответ. Каждый из детей улицы знает, что страх нельзя показывать. За наглость бьют, за страх – убивают!

– Тебе придется отправиться с нами, маленькая воровка, – одними губами улыбнулся сероглазый. – Ты покусилась на подношение того, о ком тебе лучше бы не знать вовсе. Такие вещи Империя отслеживает со всем тщанием и пресекает в корне. Надеюсь, Тайшельская тюрьма воспитает из тебя достойную гражданку общества!

– Что? – Белка вскочила на ноги и сжала кулаки. – Вы не

имеете права забирать меня из родного мира! Я не сильно образована, но законы Унии знаю!

– У нас особые полномочия, – пожал плечами мужчина.

– Но я лишь исполнитель! – отчаянно закричала девушка, понимая, что случилось непоправимое.

Сальваорес, несмотря на неудобное положение, ухмыльнулся:

– Мы с ним договорились, детка... Твой срок будет куда меньше моего!

– Ты... – она задохнулась от возмущения, – ты сдал меня, Беронец? После всего? За что?

– Не держи зла, – миролюбиво предложил тот, – когда вернешься, мы оговорим новые условия для твоих контрактов. Выгодные для тебя условия...

– Да будь ты проклят! – она одним прыжком оказалась рядом и плюнула ему под ноги – старинный воровской способ показать свое пренебрежение.

Догнавший ее страж тяжело дышал в затылок, но ничего не делал, остановленный жестом сероглазого. Тот с удивлением смотрел в сумку, откуда только что достал лампадку, – в ней разгоралось странное переливчатое свечение. Имперец засунул в сумку руку и вытащил свиток в золотой оплетке. На его лице отразилось величайшее изумление.

– Арна рэто на! – пробормотал он по-тайшельски.

«Не верю глазам своим!»

Смятые простыни пахли потом и похотью. Лежащее на них девичье тело отливало перламутром, и Демпси вновь захотелось оглаживать его ладонями, ощущая шелковистость кожи, обоняя экзотический аромат, сводящий его с ума. Женщины с Фримма были рождены для любви. Даже в возрасте они сохраняли высокие груди, тонкую талию и плавные обводы бедер, а та, с которой он кувыркался последние сутки, отмечая удачное завершение сделки по перекупке партии тайшельских мечей, была его ровесницей или чуть моложе. Юная красotka с Фримма, с удлинёнными глазами, с радужками, полными лазури и серебра, с заостренными ушками, украшенными серебряными кольцами и цветами на подвесках. Дэль любила цветы – в ее пупке (произведение искусства, а не пупок!) цвела роскошная лилия, а один из сосков украшал шикарный золотой георгин, висящий на тонком колечке. Монтегю нравилось играть, дергая его зубами, отчего сосок Дэль заострялся, вызывая у Демпси мгновенную эрекцию.

Они познакомились в экзотик-клубе, вход в который разрешался земным мужчинам и девушкам из всех миров, кроме, собственно, Земли. Такие клубы были редкостью – коалиция Земных правительств и до сих пор с крайней неохотой признавала существование Унии, что совершенно не меша-

ло «слугам народа» и их обеспеченным партнерам по бизнесу пользоваться изобретениями и достижениями миров в ее составе. Вопрос был лишь в средствах, а их для перехода мегапортов требовалось немало.

– Прекрати, мне щекотно! – хрипло засмеялась Дэль.

Обвила Монтегю длинными ногами, подтянулась всем телом, захватила его губы своими. Даже здесь, где за окном ревели машины, и не смолкал шум большого города, от нее пахло ягодами, травой, лесом.

Демпси сделал рывок, и в следующее мгновение она уже лежала под ним, распластанная. Он вошел в нее, ощущая сладостный жар и узость лона. Дэль часто задышала, обхватила его плечи, впилась ногтями. Ее лицо, блестевшее от испарины, с припухшими губами, с огромными зрачками казалось средоточием бытия. Монтегю нравилось доводить ее по многу раз, хотя рядом с такой женщиной следовало бы думать о собственном удовольствии. Поэтому он не давал себе разрядки, пока она выгибалась и кричала в потолок. И только когда фриммка затихла, тяжело дыша, он позволил себе кончить, ощущая, как сжимает его в ее теле волнообразными спазмами, наслаждаясь прикосновениями, звуками и запахами секса.

– Принеси мне блистер из моей сумки, зверь, – отдышавшись, сказала Дэль, – от таких парней, как ты, быстро получают дети, а мне этого не нужно.

Монтегю обтерся простыней, поднялся, пошел к сумке,

брошенной на тумбочку у входа в номер.

– Совсем не нужно? – уточнил, роясь в сумочке.

– Ну, когда-нибудь, – судя по голосу, девушка пожалала плечами. – Пока я живу сегодняшним днем, не задумываясь о будущем. Живу – как хочу.

Он покосился на нее. Фриммок на Земле называли эльфийками – уж очень они походили на мифических существ, заполонивших страницы фэнтезийных романов. Его эльфийка смотрела в потолок, и прежде полное страсти и неги лицо было напряженным.

«Даже странно, что у таких красивых девушек есть проблемы в личной жизни!» – отстраненно подумал Демпси, возвращаясь к розыску таблеток. Черт, женская сумочка подобна черной дыре, поглощающей пространство и время!

Его пальцы наткнулись на полиэтиленовый сверток, странная форма которого кое-что ему напомнила. Монтегю вытащил сверток, развернул и увидел... свиток в золотой оплетке.

– Ты там заблудился что ли, зверь? – раздался насмешливый голос Дэль.

Она села в кровати, не без удовольствия разглядывая напряженную спину, рельефные ягодицы и ноги партнера.

– Зачем ты украла его у меня? – резко повернулся к ней Демпси. – Дэль, детка, не ожидал!

– Да ты что? – фриммка кошкой выпрыгнула из кровати. – Зачем мне красть твои вещи, землянин? Я танцовщица, а не

воровка!

– Но этот свиток был в моем кейсе!

– Отдай! – она вырвала у него свиток. – И, будь добр, залезь в кейс и посмотри!

От ее резкого голоса, от вида сверкающих праведным гневом глаз и белокурых локонов, рассыпавшихся по плечам и дерзко торчащим грудям, от близости аккуратного светлого треугольничка волос на ее лобке Монтегю, несмотря на раздражение, вновь захотелось ее трахнуть. «Интересно, есть ли на Земле таблетки для мужчин с иммунитетом против грудастых белокурых эльфиек?» – подумал он, развеселился и отправился к своему кейсу. Тот стоял на письменном столе, у окна, рядом с телефоном. И его свиток действительно лежал в нем!

– Что за фигня? – пробормотал Демпси.

Повернулся к Дэль.

– Прости! А... не сочти меня за идиота, ты знаешь, что это за вещь? Откуда она у тебя?

– Нашла в своем шкафчике для переодевания, в баре, где работаю, и где мы с тобой познакомились вчера, – пояснила фриммка, мгновенно успокаиваясь. – Знаешь, не люблю пи-сем без обратного адреса...

– Вот и я... – пробормотал Монтегю, бросая взгляд на свиток, который непонятно как оказался у него в ящике рабочего стола, куда он перед уходом собирался убрать бумаги.

Движение на улице привлекло его внимание. Он чуть

сдвинул занавеску и вдруг, метнувшись к сваленной на полу куче одежды, принялся спешно одеваться.

– Ты чего? – изумилась Дэль.

– Черт! – прошипел Монтегю, одной рукой натягивая брюки, а другой набирая вызов на телефоне.

Но было поздно.

Дверь, затрещав, распахнулась, и комнату заполнили люди. Фриммка взвизгнула от ужаса, но визжать дальше ей не позволили: человек в черном заломил девушке руки за спину, заставив умолкнуть. Свиток упал ей под ноги.

Демпси уже лежал на полу лицом вниз и кожей впитывал собственное унижение. Он догадывался, кто бы это мог быть, и чем оно может кончиться, но, ей-богу, сейчас его больше заботило, что брюки до конца так и не надеты!

– Их двое? – раздался от двери тихий голос, подтвердивший его самые худшие опасения. – Тем лучше! Секс, наркотики, рок-н-ролл и разбитая в хлам гоночная машина – лучшая инсценировка смерти для молодого плейбоя! Док, делай свой укол!

– Стойте, стойте, стойте! – захрипел Монтегю. – Отпусти-те девушку! Она тут случайно!

– В этой жизни нет ничего случайного, малыш, да и смерть случайной не бывает, поверь мне!

– Давайте договоримся? – не сдавался Демпси, лихорадочно просчитывая варианты.

Если бы его удерживали двое – он бы вывернулся, но его

держали четверо. Он не мог не только пошевелиться, но даже повернуть головы, и упирался взглядом в валяющийся под совершенными ногами Дэль свиток, который... неожиданно замерцал.

– Поздно, Монтегю. Ты очень сильно насолил одному уважаемому человеку, и он более не желает мириться с твоими выходками! Док, сначала девушку...

Дэль издала сдавленный стон, полный ужаса... Словно в ответ свиток засветился ярче, и комнату на миг поглотила вспышка. Когда Демпси вновь обрел возможность видеть, эльфийки не было, а удерживающий ее человек в черном растерянно разглядывал собственные пустые руки.

– Какого дьявола? – тихий голос больше не звучал тихо. – Куда она делась?

– Смотрите!!!

На что за спиной Монтегю все смотрели, он так и не понял, потому что свет снова залил комнату, заставив его ослепнуть.

* * *

Привратник дремал, когда широкая красная полоса в центре Зала приемов засветилась раскаленным металлом. Раздался мелодичный звон – Привратник сам отрегулировал звук так, чтобы тот не раздражал, но был слышен в небольшой комнатухе у входа, куда он уходил на ночь. Впрочем,

в период зачисления абитуриентов ночи для Привратника превращались в одни сплошные рабочие сутки.

Он открыл глаза, поднялся, с кряхтением потер затекшие колени, прихватил посох и пошел встречать прибывших.

Первым в пятиконечной звезде – символе Сопряжения очутился черноволосый тайерхог спортивного телосложения, озирающийся так, будто из леса попал в пустыню.

– Эй, – позвал он, – дядя, что за дела?

– Называй меня Привратником, сынок, – мягко сказал Привратник, – так ты соблюдешь первое правило Фартума, которое гласит: «Будь вежлив с тем, кого не знаешь, и выполняй просьбы старших товарищей».

Черноволосый неожиданно издал вопль и подскочил метра на полтора.

– Фартум? Я не ослышался? Я в Фартуме, дядя?

– Привратник, – спокойно поправил Привратник. – Это была твоя вторая оплошность, сынок.

– Простите, Привратник! – приземлившись на все четыре конечности и гибко распрямляясь, сказал тайерхог. – Больше не повторится! Фартум – с ума сойти! Мне светила женьтиба, сельхозакадемия или горный универ! Фартум!

Привратник скрыл улыбку. Повел посохом, открывая выход из пентаграммы. Тайерхог перешагнул красную линию и остановился рядом с ним.

– Как тебя зовут, сынок? – спросил Привратник, поглядывая на вновь краснеющую полосу – прибывал кто-то еще.

– Уоллер Виллерфоллер, можно просто Уолли, – представился тот. – Привратник, а что дальше?

– Ждем следующего, – пояснил тот, поглядывая в пентаграмму, воздух в которой поплыл, впуская высокого тайшельца мощного телосложения.

Как говорили на когда-то родном для Привратника Фриме: платиновая кость, стальная кровь.

Коротко оглядевшись, прибывший взглянул на Привратника, затем Уоллера и безошибочно обратился к первому.

– Как мне называть вас, уважаемый?

Привратник усмехнулся: врожденный аристократизм – страшная сила.

– Привратник. Ваше имя, сублим?

Слово «сублим» служило обращением к благородным тайшельцам.

– Анджей Карл Вильгельм фон Рок.

Тайерхог хмыкнул.

Прибывший посмотрел на него без агрессии, но как-то так, что сразу становилось ясно – насмешек не потерпит. Виллерфоллер выпрямился и расправил плечи, признавая достойного противника. «Здесь сцепятся или в коридоре?» – лениво подумал Привратник и тяжело вздохнул: круг снова начал раскаляться. Повел посохом:

– Выходите, сублим.

Тот шагнул через докрасна раскалившуюся полосу и вовремя – на пол за его спиной со сдавленными криками упав-

ли сразу двое... девушка и парень. И если на землянине – высоком жилистом шатене с резкими чертами лица и такими зелеными глазами, будто это он, а не Виллерфоллер был оборотнем, болтались не застегнутые брюки, то девушка с Фримма была обнажена и прекрасна, как едва сотворенная из солнечного света Фарамиэль. У нее и ушки оказались божественными – заостренные, аккуратные, похожие на произведение искусства.

Уолли присвистнул и толкнул локтем вставшего рядом с ним потомка тайшельских аристократов:

– Ты только посмотри!

– Какого дьявола? – парень в брюках, точнее, почти в брюках, вскочил, первым делом натянул их до конца, смешно прыгая на одной ноге, затем помог подняться фриммке и задвинул ее за спину, скрывая от любопытных взглядов. – Что все это значит, папаша?

– Называй меня Привратником, сынок, – привычно пояснил Привратник, – так ты соблюдешь первое правило Фартума, которое гласит: «Будь вежлив с тем, кого не знаешь, и выполняй просьбы старших товарищей».

Девушка сдавленно охнула и выступила из-за спины спутника, позабыв о неглиже.

– Фартум? Вы сказали Фартум... Привратник?

– Точно так. Назовите ваши имена.

Легкое движение посохом – и тело девушки скрыла туманная дымка, мешающая разглядеть соблазнительные кон-

туры.

– Тю... – разочарованно констатировал тайерхог.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – взъярился обладатель брюк.

Девушка взяла его за руку и потянула за собой из круга.

– Меня зовут Дэль Тикор, а его – Демпси Монтегю. Мы оба получили свитки, но не подозревали, что это – приглашение в Фартум.

– Не приглашение – приказ явиться и начать обучение, – поправил ее Анджей Карл Вильгельм и посмотрел на Монтегю, – он подписывается лично императором и не имеет обратного хода. Вас, землянин, ждет десятилетнее обучение в университете Фартум, без права посещения родного или иных миров Унии, кроме как по приказу или с разрешения старшего преподавательского состава.

– Все верно, сублим, спасибо, – поблагодарил Привратник и оглядел их всех: – Добро пожаловать в Фартум!

Монтегю затейливо выругался и посмотрел на Анджея.

– Если приказ подписан императором, значит, мы на Тай-шеле?

Тот пожал плечами.

– Понятия не имею. Гражданские лица не знают местоположения Фартума. Так, Привратник?

– Так, сублим, – кивнул тот. – Более того, даже я этого не знаю...

– Эй, сублим, или как тебя там, меня зовут Демпси! –

неожиданно развеселился Монтегю. – Тайшел, значит? Так это отлично! А Носорог Дю пусть... – и он подробно и не стесняясь присутствия девушки рассказал, что тому следует сделать с самим собой.

Мелодичный звон прервал его на полуслове.

Привратник, слушавший новенького не без интереса, посмотрел на пентаграмму несколько раздраженно. И впервые на его лице появилось нечто большее, чем присущая занимаемой должности вежливость.

Внутри знака стоял крепкий длинноволосый тайшелец, держа за заведенную назад руку рыжую девчонку, чье круглое личико с маленьким подбородком и чуть вздернутым носом выражало крайнее возмущение, а серые глаза – открытую ярость.

– Привратник, мое почтение, – чуть склонил голову сероволосый, – принимайте абитуриентку!

– Сублим фон Орс, что-то я не припомню никого, кого доставляли бы сюда под конвоем... включая вас, – шагнул к пентаграмме Привратник, готовясь принять вновь прибывшую.

– Это – особый случай, – улыбнулся тот, – маленький, но очень особый!

При слове «маленький» девчонка неожиданно вывернулась у него из рук и прыгнула к Привратнику.

Тот чуть повернул посох – и она... зависла в воздухе как белка-летяга с распростертыми лапами.

– Не нужно резких движений, дочка, – ласково сказал Привратник. – Как твое имя?

– Отпустишь меня – скажу! – чуть приподняв верхнюю губу, ответила та.

Выглядела презабавно, как пойманный в ловушку отважный зверек, готовый защищать свою жизнь до конца.

Уоллер в одно мгновение оказался под ней.

– Отпускайте ее, Привратник, я поймаю!

– Только попробуй до меня дотронуться, дылда! – пригрозила она сверху.

Белокурая Дэль, подойдя, оттолкнула тайерхога и протянула руку.

– Спускайся, девушка, здесь нам не причинят вреда, наоборот!

– Тюрьма, в которой не причиняют вреда? – изумилась рыжая, отчаянно пытаясь пошевелиться. – Такого не бывает!

– Тюрьма? – ответно изумилась Дэль.

– Ее зовут – Изабелла Лакрими, воровская кличка – Белка, – подал голос фон Орс. – Осуждена за кражу имперского имущества на пять лет, однако обучение в Фартуме покрывает этот срок и считается полноценной заменой. Так что девушка права – в какой-то мере университет станет для нее тюрьмой.

– А что такое Фартум? – живо заинтересовалась Белка.

Привратник опустил посох. Дэль среагировала вовремя, поймав девчонку, которая оказалась ниже ее на голову.

– Ты все узнаешь, – покачал головой фон Орс. – Привратник, рад был увидеть! Удачи!

Бледные тонкие губы Привратника коснулась улыбка.

– Взаимно, сублим!

Спустя мгновение фон Орс исчез.

Рыжая протерла глаза и сердито спросила:

– Кто-нибудь может объяснить мне, что все это значит?

* * *

Дорогу указывал огонек, напомнивший Белке те, что иногда зажигались в полных влаги оврагах между домами Пустошного квартала. Выпущенный Привратником на волю из волшебного посоха, он мотыльком порхнул в один из коридоров, ведущих с площадки перед Залом приемов, и полетел прочь, не давая новичкам времени оглядеться. Впрочем, Белка осмотреться успевала. Ей, привыкшей мгновенно оценивать обстановку, не мешал быстрый шаг, которым они следовали за указателем.

Широкий коридор был едва освещен магическими шарами, расположенными на стенах в захватах в виде птичьих лап. Сводчатые потолки поддерживали колонны, облицованные камнем, каждую вторую плитку которого украшала искусная резьба. Белка узнала растительный орнамент с родного Кальмерана, а вот откуда остальные, с уверенностью не сказала бы. Несмотря на мрачный антураж, загадочный Фар-

тум тюрьму пока ничем не напоминал, однако девушка продолжала оставаться настороже. Кто знает, какие на самом деле тюрьмы на Тайшеле?

Без проводника они, несомненно, заплутали бы среди многочисленных переходов и лестниц. По первому впечатлению казалось, что здание только из них и состоит. Но, в конце концов, огонек метнулся к распахнутым дверям, откуда на пол падал яркий отсвет и вкусно пахло.

Прибывшие вошли в огромный зал и остановились, давая глазам привыкнуть.

Слева, на нескольких больших столах, была разложена разнообразная еда в квадратных судках. Рядом с каждым стояла стопка чистых тарелок – больших и маленьких, а в овальных чашах лежали, поблескивая, столовые приборы. По старинной привычке Белка взяла себе на заметку проверить – серебряные они или нет. Посередине помещения, как и в коридорах, шел ряд высоких колонн, поддерживающий расписанный фресками потолок. Справа от них располагались длинные столы, по обе стороны от которых стояли скамьи. Они почти все пустовали, кроме одного – в углу, где плотно сидели крепкие парни в серой, отделанной серебром, форме, похожей на военную. Когда новички вошли в зал, они дружно повернулись, разглядывая их. А разглядев, так же дружно встали и двинулись навстречу с явной угрозой.

И тут только Белка вспомнила, что белокурая фриммка под волшебной мглой, наведенной Привратником на ее пре-

лести – совершенно голая, а ее спутник – босиком и в одних брюках. Смешно был одет и черноволосый широкоплечий тайерхог с золотистыми глазами: в куцые, по колено, штаны, и странную тунику с короткими рукавами, обтягивающую мускулистый торс. Торс был очень даже ничего.

Пожалуй, только она да тайшелец с непроизносимым именем выглядели наиболее прилично из всей компании.

– Вы только посмотрите, кто к нам прибыл! – заговорил один из идущих впереди парней – высокий, плечистый, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост. – Новенькие!

– Вот того, в брюках, клянусь бубенцами Фарамизель, вытащили из помойки! – ответно заржал стоящий рядом с ним и похожий на него, как брат-близнец, только с темными волосами остроухий юноша. – А наша соотечественница-то ничего! Как думаешь, Мирон, развеем ее призрачное одеяние? Дадим парням полюбоваться на красоту девушки с Фримма?

– Давай, Кирон, мы аж дыхание затаили! – воскликнул здоровяк с налысо бритой головой, в котором Белка по наитию узнала выходца из родного мира.

Остальные четверо парней пожирали красотку Дэль алчными взглядами, почти не обращая внимания на Белку.

На лице эльфийки проступила высокомерная брезгливость, как будто она ножкой наступила в лужу с нечистотами.

– Ты бы сначала представился, высокородный, прежде чем позорить девушку из своего мира перед друзьями и ве-

сти себя, как выродок из Нижних земель! – бросила она блондину, норовисто тряхнув белокурой гривой.

– Ее, определенно, нужно проучить, брат! – покосился на него темноволосый.

Блондин, прищурившись, смотрел на нее. Он не делал ни движения, однако Белка почувствовала, как сгустился воздух вокруг. Ей даже показалось, что потолок опустился и сейчас раздавит, поэтому она, хоть и не показывала страха, взглянула на Дэль. Та вела себя так уверенно, словно не стояла почти голой перед группой алчущих развлечения парней.

– Отчего мне знакомо твое лицо? – задумчиво произнес блондин. – Мы не встречались на Фримме? Возможно, ты провела несколько ночей в моей постели, познавая блаженство?

При первых его слова Белка с удивлением заметила тень страха в лице Дэль. Но с каждым последующим – ее презрительная улыбка становилась шире.

– Сомневаюсь, что в ней вообще кто-нибудь бывает, – язвительно заметила блондинка. – Ты предсказуем и скучен, высокородный, и, наверняка, освоил только два движения – вперед и назад!

Стоящий за ней черноволосый тайерхог захохотал. Землянин наоборот шагнул вперед, прикрывая девушку собой от метнувшегося к ней блондина. Мирон остановился в полшаге от них, и в воздухе ощутимо запахло дракой.

– Идите своей дорогой, высокородные, – прозвучал спо-

койный голос тайшельца, и Анджей встал рядом с землянином плечом к плечу, – мы не желаем конфликта.

– Ты слышал, Кирон, они не желают конфликта? – полу-обернулся блондин к темноволосому брату и остальной компании, а затем продолжил дрожащим голосом:

– Благородный сублим, мне следует пасть ниц и целовать ваши стопы, прося у вас прощения?

– Просто дайте нам поесть и осмотреться, – все так же спокойно ответил тайшелец, словно принял предложение блондина всерьез.

На щеках фриммца заиграли красные пятна.

Тайерхог тоже шагнул к ним, остановившись с другой стороны от землянина. Ногти на его руках вытянулись и заострились, из-под губ полезли великолепные белые клыки.

– О, у вас и собачка есть? – темноволосый Кирон подошел к брату.

Пятерка его спутников тоже подтянулась.

Неожиданно для себя Белка ободряюще хлопнула Дэль по плечу и встала рядом с тайерхогом. Чего-чего, а уличных драк стенка на стенку она навидалась на своем веку.

Высокородные переглянулись и захохотали.

– У них... у них и кошечка есть! Кошечка, а какая у тебя киска? – дружно ржали они.

Лысый здоровяк, подойдя к Белке, наклонился, обдавая ее запахом только что съеденной бараньей отбивной с луком:

– Да мы никак земляки, крошка? О, нам надо держаться

вместе! Меня зовут Тристан Карвизи. Переспишь со мной?

Сохраняя невозмутимое выражение лица, Белка ткнула его пальцем в глаз. И тут же уклонилась от молниеносного движения руки темноволосого Кирона, который попытался ухватить ее за шкурку. Противоборствующие стороны качнулись друг к другу...

– Что здесь происходит? – раздался голос, от которого, казалось, пар перестал подниматься с подогреваемых блюд, а по стенам и потолку побежали голубые змейки изморози. – Рекурсант Карвин, отвечайте!

Замороженная этим голосом по самую макушку Белка отчаянно скосила глаза на его источник и увидела седовласого короткостриженного мужчину, чье обветренное лицо с пронзительными серыми тайшельскими глазами выдавало либо военного, либо человека, многое повидавшего в своей жизни. Точнее, повидавшего куда больше, чем все остальные.

– Простите, ректор фон Тарс, вы нас неправильно поняли! – не моргнув глазом, отрапортовал блондин. – Мы объясняем новеньким правила поведения Фартума и собираемся взять их под свою опеку!

– Опекать их будет куратор, – отрезал тот, – а не третьекурсники, которым, кажется, следует готовиться к завтрашней самостоятельной работе по рекурсии пространства.

– ОЙ! – Мирон изменился в лице. – Ректор, мы уже уходим!

И они ушли, оглядываясь на прибывших и тихо перегова-

риваясь.

– Вижу, и ты здесь, Анджей! – вдруг улыбнулся фон Тарс, взглянув на тайшельца. – Рад, очень рад! И удивлен, признаюсь!

– Я сам удивлен, сублим, – заметил тот.

– Здесь ты обращаешься ко мне – ректор, – поправил фон Тарс. – О матери не беспокойся – я сообщу ей, что с тобой все нормально.

Тайшелец чуть склонил голову.

– Благодарю... ректор.

Фон Тарс внимательно оглядел прибывших. Когда его взгляд обратился к Белке, та забыла, как дышать. Если что и было здесь от тюрьмы – так это взгляд ректора, выбравший все мысли из ее черепа без остатка!

А спустя мгновение она уже изумленно разглядывала новую, неведомо как появившуюся на ней одежду. Белье было мягким и удобным, светло-голубая форма – брюки, заправленные в невысокие сапоги и короткая военная куртка – сидела идеально, не стесняя движений.

– О, благодарю вас, ректор, – искренность в звенящем смехе Дэль была настоящей. – Я уже устала изображать привидение!

Фон Тарс скупно улыбнулся:

– У Привратника своеобразные представления об обязательном минимуме. Ужинайте и расходитесь по своим комнатам. Завтра в семь куратор первого курса соберет вас в

Малиновом зале на инструктаж.

– Но как мы...? – воскликнул нетерпеливый тайерхог.

Ректор поднял ладонь, и оборотень замолчал.

– Коснитесь нашивки на куртке с цифрой один внутри знака Сопряжения – это обозначение вашего курса.

Белка первой коснулась пятиконечной звезды. Почему-то ей казалось, что приказы этого человека нужно выполнять, не задумываясь. Она понимала, какое это опасное заблуждение, поскольку во всем стоило полагаться только на себя и свой опыт, но ничего с собой поделать не могла.

Нашивка засветилась. С нее вспорхнул сияющий дракончик янтарного цвета. Белка даже рот открыла от изумления – видела изображения драконов на Кальмеране. Говорят, дышащие огнем ящеры когда-то водились там, но они были огромными, а этот – миниатюрным произведением искусства. Дракончик сделал несколько быстрых кругов над ее головой и завис, трепеща крылышками. С нашивок остальных тоже взлетели драконы. У тайшельца – черный, у землянина – красный, у тайерхога – зеленый, а у фриммки – голубой.

– Это проводники вашего курса – лидер-драконы или просто лидеры, – пояснил ректор. – Они будут с вами до окончания обучения в Фартуме. Помогут сориентироваться в здании, выведут куда надо, если заблудитесь, покажут нужную книгу в библиотеке и так далее.

– Как за ними ухаживать? – поинтересовался тайшелец.

Ректор едва заметно улыбнулся.

– Лидер-драконы – порождение магии Фартума, им не нужны еда или сон. Единственное, могу сказать, что, как и всякая живая тварь, они любят ласку и обожают внимание. А теперь идите.

Белка первой двинулась по коридору следом за янтарным дракончиком, который, оглядываясь, смотрел на нее лукавыми желтыми глазами, будто звал за собой. Даже если ее обманули, и она действительно попала в тюрьму, похожий на драгоценную брошку зверек скрасит ее годы в этом загадочном месте!

Ректор фон Тарс задумчиво смотрел вслед пятерке новеньких. Интуиция подсказывала ему, что с ними будут проблемы. Большие проблемы!

* * *

– Ты чего застыла на пороге? – поинтересовалась Дэль, когда лидеры привели девушек в одну комнату и дружно уселись на оконный карниз – вылизывать крылья.

Белка не просто застыла. Оцепенела. Окаменела. Остолбенела. Такой шикарной комнаты она еще не видела! Стены были обиты серо-голубым шелком с мелким рисунком, под потолком висела изящная люстра, изображающая букет незабудок, светло-синие шторы с серой бахромой и серебряными кистями полускрывали два огромных окна, за которыми сейчас было темно. Обстановка комнаты справа и слева

зеркально повторялась. От стены с окнами тянулся большой стол и полки над ним из какого-то дерева серого оттенка с розовыми прожилками, далее – кровать, накрытая покрывалом из той же ткани, что и шторы, и... шкаф! Огромный, высокий, глубокий – как целая комната.

Первой вошедшая Дэль тут же плюхнулась на левую кровать, а Белка так и стояла у двери, жадно оглядывая красивые ткани, отделку, темно-синий ковер под ногами...

– Мы будем жить здесь? – наконец разлепив губы, хрипло спросила она.

– Ну, раз козявки привели нас именно сюда – значит, да! – засмеялась фриммка. – Слушай, входи уже и закрой дверь! Интересно, где здесь ванная?

– В конце коридора, – ответила Белка, – там вода шумела, когда мы мимо шли.

Дэль удивленно взглянула на нее, однако ничего не сказала.

Белка осторожно ступила на ковер. Подошла к шкафу, распахнула дверцу, будто опасаясь, что оттуда выпрыгнет кто-нибудь. На вешалке висели три комплекта формы, из них один – явно парадный. На полках лежало аккуратно сложенное белье. Внизу стояли две пары невысоких сапожков, одни с серебряными пряжками, видимо, под парадную форму. На отдельной полочке располагались какие-то флакончики, тряпочки...

– Это что? – растерянно спросила Белка, взяв оттуда па-

лочку с мохнатой головкой. — Бронзу чистить? Или обувь? Фриммка вдруг застонала, уткнувшись лицом в подушку. — Тебе плохо? — испугалась Белка. — Мне хорошо! — простонала та, поднимаясь с кровати — Белка увидела, что она смеется. — Прости... Сейчас пройдет. Я забыла, что ты с Кальмерана, где гигиена не в моде! Придется кое-что тебе объяснить.

Последующий час Дэль рассказывала ей о предметах, найденных на полке. Обо всех этих гарантах чистоты и санитарии, о мылах, шампунях, бальзамах и кремах. О зубной щетке — простом и практичном изобретении с Земли. О зеленом желе с Фримма, которым можно было умываться и мыть голову без воды, а в разведенном виде принимать как лекарство от отравления. О тонюсеньких женских гигиенических принадлежностях, невидимых под одеждой и сделанных из опилок какого-то дерева с Тэльфоллера, и еще о куче полезных и приятных вещей, о существовании которых Белка даже не подозревала.

Когда Дэль замолчала, у кальмеранки гудела голова от полученной информации, и все сильнее становилось ощущение, что произошедшее с ней — какая-то ошибка. Что свиток с золотой оплеткой должен был попасть совсем в другие руки, а она, Белка — в зловонную камеру тюрьмы, где каждую минуту приходилось бы опасаться за свою жизнь.

— Ну, ты чего сникла, подруга? — затормошила ее Дэль, которой, казалось, усталость вовсе была неведома. — Привык-

нешь! К хорошему быстро привыкаешь! Пойдем, посмотрим уборную!

Лидеры, чирикая, опустились к девушкам на плечи и получили свою долю пока еще осторожных поглаживаний.

– Надеюсь, они не кусаются! – пробормотала фриммка, почесывая лазурного дракончика под миниатюрным подбородком.

Дракончик в ответ широко раскрыл пасть, показывая ряд острейших маленьких зубов.

Уборная потрясала размерами и функциональностью. Кроме отдельных купален и парилен, здесь был бассейн – круглый, выложенный бело-голубой мозаикой, с изображением стремительно скользящей под толщей воды стаи рыб. Залитый светом из белых шаров-светильников, он производил грандиозное впечатление. В бассейне плавали несколько девушек, которые, завидев новеньких, закричали:

– Эй, плывите к нам! Познакомимся!

– Я, пожалуй, пойду! – пробормотала Белка.

Однако Дэль схватила ее за руку:

– Нам здесь жить десять лет, подруга! Не забывай об этом!

А потом просто взяла и, скинув с себя одежду, по-русалочьи скользнула в воду. Девчонки одобрительно засвистели.

– А ты чего? – крикнула Дэль, выныривая и белозубо смеясь. – Давай сюда!

– Я плавать не умею! – призналась Белка и поспешила ретироваться. Не объяснять же им, что на Кальмеране девушке

обнажаться смертельно опасно?

Сейчас ей больше всего хотелось в укромный уголок, где темно и тихо. И даже несмотря на шикарную, выделенную им комнату, возвращаться туда она не спешила. Слишком неожиданно. Слишком чуждо. Слишком... страшно. Да, только сейчас Белка поняла, как ей страшно, несмотря на удивительное освобождение от угрозы тюремного заключения. Некто просто взял ее за шкурку, как кутенка, и выкинул в неизведанное из родного мира, где все было ясно и понятно. Пожалуй, она бы сейчас простила Беронца, уговори он сероглазого вернуть ее на родной Кальмеран, пусть даже в тюрьму! Уж оттуда она нашла бы способ сбежать!

Белка в задумчивости прошла коридор, спустилась по лестнице на один пролет и оказалась в просторной рекреации, на одной из стен которой висели огромные часы с двумя циферблатами, золотым, с десятью делениями, и – внутри него – черным, с двенадцатью. Посередине рекреации из пола бил фонтан, украшенный скульптурами золотых птиц, и росли несколько деревьев с красными остроугольными листьями. Между ними стояли полукруглые скамейки, на одной из которых сидел кто-то в такой же, как у нее, форме первокурсника.

Сидящий оглянулся, и Белка узнала тайшельца, из всего имени которого она запомнила только первое – Анджей.

– Не спится? – дружелюбно поинтересовался тот. Его звучный голос разнесся по помещению. – Вот и мне тоже.

Белка поколебалась, но подошла и села рядом, косясь на него, как лошадь на непонятную тень на обочине дороги. О выходцах с Тайшела она слышала сказки и пересуды простых Кальмеранских обывателей. В них тайшельцы представлялись богоподобными великанами, обладающими исключительной силой. Сидящий рядом с ней парень был высок, а для нее – очень высок, широкоплеч и отлично сложен, но на богоподобного не походил. Просто красивый парень с синими глазами, спокойный и какой-то сразу располагающий к себе. И хотя Белка прекрасно знала, что не стоит доверять первому впечатлению, интуитивно потянулась к нему, кажу-щемуся таким же ошарашенным и одиноким, как и она. Набралась храбрости и спросила первой:

– А как ты получил свиток?

– Принесли за завтраком вместе с почтой, – охотно ответил тот, и в свою очередь поинтересовался: – А за что тебя осудили, Изабелла? Ну... если, конечно, ты хочешь об этом рассказывать.

– Я – Белка, – поправила она. – Пыталась украсть одну вещь, а оказалось, за ней следили. Меня поймали...

Руки, лежащие на коленях, непроизвольно сжались в кулаки. Ее не поймали, а заманили в ловушку и предали! Даже по законам Кальмеранского дна виноватым считался не тот, кто сделал, а тот, кто приказывал, а Сальваорес Кудрай нарушил их, выторговав себе жизнь у фон Орса! Такие поступки непростительны и требуют мести! Может быть, это странное

заведение с названием Фартум даст ей силы и умения, чтобы, когда придет время, отомстить Беронцу?

Обида и злость на так легко предавшего ее наставника неожиданно заставили Белку заговорить. Анджей слушал с интересом, а когда дело дошло до слов Сальваореса: «Мы с ним договорились, детка... Твой срок будет куда меньше моего!» – покачал головой, однако сдержался и промолчал.

– Ух, я тебе все выболтала?! – выдохнула Белка, закончив на том, как она с фон Орсом провалилась в какую-то тошнотворную дыру, откуда оба выпали прямо в Зал Приемов. – Планидой Спасителя клянусь – не хотела! Вряд ли тебе это интересно, сублим!

– Мы не на Тайшеле, так что здесь я просто Анджей, – улыбнулся тот. – Знаешь, Белка, воровать не хорошо...

Девушка с отсутствующим видом посмотрела на потолок. Вот еще новости – он собрался ее воспитывать?

– ...Но осуждать не стану, – продолжил тайшелец, – ведь это твоя жизнь. А вот наставник твой – негодяй! Такие вещи нельзя спускать с рук! Подлость куда хуже воровства!

– Повтори, как ты сказал? – в изумлении воскликнула Белка.

Он повторил.

– Точно! – воскликнула Белка. – За подлость он у меня когда-нибудь ответит!

– Ты хочешь набить кому-то морду? – раздался веселый голос, и в круг деревьев вышел золотоглазый тайерхог, вы-

тирая мокрые волосы полотенцем. – Тогда я с тобой!

– Тебе все равно, за что, лишь бы подраться? – уточнил у него Анджей.

Белка напряглась – они оба были высокими и мускулистыми, и казались достойными противниками друг другу.

– За подлость надо бить морду! – возмутился Уоллер Виллерфоллер, садясь с другой стороны от Белки. – Изабелла, я прав?

– Она – Белка! – вдруг улыбнулся тайшелец.

– А я – Уолли! – засмеялся оборотень. – А наш Монти Демпсиго дрыхнет, поскольку кувыркался всю ночь и половину дня с нашей фриммской красоткой!

– Как ты сказал, его зовут? – удивилась Белка. – Монти?

Тайерхог почесал за ухом. Смешно это у него выходило – одновременно бесшабашно и по-дурацки, как у большого и веселого пса.

– Ну... – неуверенно сказал он. – Монти звучит куда лучше, чем Демпси, правда ведь?

Мгновение Анджей смотрел на него, а потом захохотал. Белка – следом, а затем, подвывая и всхлипывая, к ним присоединился и сам Уолли.

– Над чем веселитесь? – спросила, спускаясь лестницы, Дэль и устроилась рядом с тайшелем. – Я тоже хочу повеселиться!

Ее влажные волосы завивались колечками, отчего она казалась совсем девчонкой.

– Над твоим дружком Монти, – отсмеявшись, пояснил тайерхог, – который дрыхнет без задних ног после ваших горячих развлечений.

Фриммка, ничуть не смущаясь, потянулась. Расстегнутая куртка распахнулась, белая рубашка соблазнительно очертила высокие груди. Белке показалось, или Дэль искоса взглянула на тайшельца? Однако тот на нее не смотрел – поглядывал на огромный циферблат над лестницей, стрелки которого показывали два ночи.

– Пора расходиться, завтра подъем в пять утра! – констатировал он и поднялся.

Остальные потянулись за ним, как-то сразу признав в имперце вожака.

День показался таким долгим! Позевывая, компания поднялась по лестнице и разошлась – девочки налево, мальчики направо.

– Джей, ты идешь? – позвал Уолли замешкавшегося тайшельца.

Анджей не обратил внимания на то, что тайерхог переименовал и его имя, улыбнулся девушкам и пожелал им добрых снов.

Дэль, глядя ему вслед, тихонько вздохнула. А Белка, идя за ней в выделенную им комнату, думала вовсе не о парнях, а о том, какая у нее удобная и уютная кровать... в тюрьме.

Ректор любил работать по ночам. Ему, как и другим Слившимся с Фартумом, это место дарило не только долгие годы жизни, но и повышенную восстанавливаемость, будь то физическая регенерация или избавление от усталости. Фон Тарсу хватало трех часов сна, чтобы ощутить себя отдохнувшим и полным сил, поэтому спать он обычно ложился за два часа до рассвета. Мифического рассвета Фартума, которого никто и никогда не видел.

Тень возник, когда ректор поднялся из кресла, чтобы пройтись и потянуться. Он стоял у высокого окна, из которого был отлично виден Млечный Путь, спиной чувствуя повеявший от камина холодок. Тень всегда появлялся у камина и какое-то время стоял там, будто раздумывая, остаться или исчезнуть, не сказав ни слова. Чаще он действительно исчезал, но иногда они разговаривали и даже смеялись, вспоминая старые времена. Нынче же Тень, качнувшись, заскользил по кабинету и остановился у окна рядом с фон Тарсом, едва не касаясь его плечом.

– Привет, Ферни, – прошелестел призрачный голос. – Набор в этом году необычен, не правда ли?

Ректор усмехнулся. Ответил, не поворачиваясь – от плывущего образа Тени его всегда немного мутило.

– Давно не видел такого сброда! Такое ощущение, что де-

тей похватали без разбора и сунули в порталы Фартума, как котят – в реку, чтобы утопить.

– Интересное сравнение, – заметил Тень, – каковы ставки, что утонут?

– Один к пяти, что половина новичков отсеется до третьего курса, – тут же откликнулся фон Тарс.

– Принимаю, – прошелестел Тень.

Помолчали.

– Ответите мне на вопрос? – решился ректор. – Насчет семейства фон Рок...

Тень медленно развернулся и поплыл к камину, где истаял в воздухе.

– Не ответите, – пробормотал фон Тарс, – так я и думал!

* * *

Утром, идя на завтрак с теми, с кем познакомилась только вчера, Белка подумала, как это приятно – быть рядом с людьми, от которых не ждешь удара в спину. Да просто идти куда-то в компании!

Парни, оказывается, ждали их с Дэль в уже знакомой рекреации с часами и красными деревьями. Позже Белка узнала, что Фартум считает себя городом и дает соответствующие, иногда довольно остроумные наименования своим «улицам» и «площадям». Так, например, широкий коридор, ведущий в столовую, назывался Шоссе Энтузиастов, а полю-

бывшаяся ребятам рекреация с часами и фонтаном – «Площадью Красной точки отсчета Вечности».

В столовой было полно первокурсников, которых лидер-драконы разбудили на час раньше времени основного подъема. Набрав еды и сядя за стол рядом с Анджеем, Изабелла разглядывала будущих сокурсников. Около трети тайшелейцев, судя по выражению лиц, знатные и не очень. Немного фриммцев, среди них ни одного низкородного, остальные – земляне и кальмеранцы. Большинство еще не успели перезнакомиться и присаживались за столы к соотечественникам, с недоверием косясь друг на друга. От выходцев из Кальмерана другие расы старались держаться подальше, и не удивительно: на родине Белки могли убить просто за косой взгляд.

– Анджей, и ты здесь? Неожиданно! – прозвучал хорошо поставленный голос из-за соседнего стола. – Давай к нам, что ты сел с отребьем?

Белка, переглянувшись с Уолли. Тайерхог чуть приподнял верхнюю губу, однако посмотрел на Джея и успокоился – в лице того не было ни намека на агрессию.

Обладателем голоса оказался высокий – вровень с Джеем – тайшелец с серыми волосами и глазами. Породистое лицо и его холодное выражение сразу выдавали аристократа из тех, кто носит не меньше двух родовых имен.

Дэль, в отличие от Белки, не стерпела, спросив с ехидной улыбочкой:

– Эй, сублим, чего тебе не сидится? Родовитость яйца жмет?

Анджей укоризненно взглянул на нее и поднялся.

– Приветствую, фон Морис, и благодарю за приглашение, но я останусь с друзьями! – сказал он таким тоном, что было понятно – продолжения разговора не будет, даже если собеседник решит иное.

И сел на место.

Фон Морис, пожав плечами, тихо сказал несколько слов своим соседям. Те заржали, поглядывая на Дэль и Белку. Судя по прищуре лазоревых глаз фриммки, та прекрасно поняла, о чем они. Поняла и запомнила.

Прозвучала переливчатая трель, похожая на птичью. Завтрак был окончен. В воздухе уже висело радужное облако из дракончиков, которые полетели прочь, едва замолк мелодичный звук. Первокурсники потянулись за лидерами.

Малиновый зал располагался в том же крыле, что и жилые помещения. Огромный, задрапированный малиновым бархатом, с простенками, украшенными черно-красными гранитными сладжами, он бы производил мрачное впечатление, если бы не обилие изящных предметов интерьера из серебристого металла – этажерок вдоль стен, с которых спускались живые лианы с пурпурно-красными листьями, многочисленных люстр под потолком, настенных светильников.

У входа студентов встречал тайшелец такой же синеглазый, как и Анджей, правда, чуть ниже его и шире в пле-

чах. Он распределял прибывших короткими командами, отданными уверенным сильным голосом. Когда все расселись, незнакомец закрыл двери, прошел вперед и развернулся к сидящим. Усмехнувшись, воспарил метра на полтора над полом – теперь его видели даже с дальних рядов. По залу прокатились удивленные и восторженные возгласы.

– Я немного волнуюсь, как и вы, полагаю, – заговорил тайшелец, вызвав у всех смех – как может волноваться тот, кто умеет летать? – Позвольте представиться, меня зовут Конрад Эмиль фон Ризен, я учусь на пятом, да, теперь уже пятом курсе Фартума, и буду вашим куратором на ближайшие два года. Знаю, что многие из вас не ожидали здесь оказаться, другие – даже не знают, где они оказались! – Снова прозвучал смех. – Давайте я сначала расскажу вам, что знаю, а потом вы зададите свои вопросы. Предупрежу сразу, я – спокойный парень, но не выношу, когда меня перебивают. Поэтому дослушайте, а потом задавайте вопросы по очереди, соблюдая уважение друг к другу.

– Как можно к кальмеранцам соблюдать уважение? – крикнул кто-то из середины зала.

Крикнувшим оказался фриммец, которого неведомая сила моментально забросила под потолок, где он растопырился лягушкой, судорожно хватая ртом воздух.

Легким движением брови фон Ризен снял воздействие. Фриммец заорал, ухнул вниз и намертво уцепился за ближайшую люстру.

– Я предупреждал, – улыбнулся Конрад. – Ты, высокородный, повиси там и подумай о своем поведении, я тебя потом сниму, если не забуду... Итак. Прошу сохранять спокойствие, когда осознаете, что я говорю с вами по-тайшельски, которого большинство из вас не знает!

Куратор подождал, пока стихнут изумленные крики, и обвел всех смеющимся взглядом.

– Более того, только что вы поняли, что знаете не только тайшельский, но и языки других миров Унии! Как же это произошло? В первый же момент прибытия, в Зале Приемов, Фартум вложил в ваши головы подарок, который существенно облегчит вам дальнейшую жизнь. Здесь принято общаться на тайшельском, в том числе между собой, но в процессе обучения вы можете столкнуться с необходимостью изучить книги из других миров или оказаться где угодно во время выполнения боевой задачи. Теперь, думаю, с вступлением можно покончить, и перейти к главному. Первый и самый главный вопрос – что такое Фартум? И... – Конрад сделал эффектную паузу, – я вам на него не отвечу! Ибо сам не знаю правильного ответа. Общеизвестные факты: Фартум – это университет для выходцев из всех пяти миров, который готовит боевую и интеллектуальную элиту Унии. Да, сейчас в этом зале нет никого, кроме меня, у кого проявились бы способности к рекурсии, но, поверьте мне, все будет. Здесь учатся десять лет – по два года на каждый курс. В течение этих десяти лет вы будете лишены возможности самостоя-

тельно посещать родные миры: Фартум покидают только по приказу или с разрешения преподавательского состава. Даже я, куратор курса, не могу сделать вам такой поблажки. Так что с родственниками и оставшимися дома мальчиками и девочками вам придется распрощаться.

Над рядами поднялся недовольный ропот, но фон Ризен многозначительно посмотрел на люстру, украшенную выходцем с Фримма, и все стихло.

– На первых четырех курсах вы будете знакомиться с общей теорией миров Унии. Выпускники Фартума могут с легкостью жить и общаться в любом из них, но для этого изучают их историю, политику, географию и тому подобные дисциплины в полном объеме. Кто знает, что такое «объем», может себе представить содержимое своей головы к концу этого периода обучения.

Белка такого слова не знала, поэтому посмотрела на Дэль и напряглась – в глазах той плескался ужас. Сидящий с другой стороны от фриммки оборотень задумчиво чесал затылок. Лицо Анджея выражало вежливую заинтересованность, а вот выражение лица Монти кальмеранке понравилось – глаза землянина горели энтузиазмом, замешанном на насмешке. Землянин пытался быть циничным сукиным сыном в ситуации, которая переламывала прежнюю жизнь надвое.

– С первого года вы начнете тренировки на физическую выносливость, скорость и маневренность на полигоне Фартума, а также изучите разнообразное оружие, которое бу-

дет усложняться от курса к курсу – продолжал фон Ризен, – а начиная с пятого – примете участие в боевых операциях Унии в качестве учебно-боевых звеньев. Принятое количество членов звена – не меньше трех и не больше девяти. Обычно звенья формируются до пятого курса, однако бывают исключения. Также хочу обратить внимание на ваш разный возраст. Самому младшему из сидящих здесь четырнадцать, самому старшему – двадцать два. Несмотря на это, вы все обучаетесь на одном курсе. Объясню, почему так происходит. Способности, из-за которых попадают в Фартум, чаще всего проявляются именно в этих возрастных рамках. Те, у кого это случилось раньше, проходят индивидуальное обучение и после доучиваются здесь, но уже на старших курсах. А несчастные, у которых способности проявляются значительно позже «возраста рекурсионной гибкости», как мы это называем, рискуют попасть в закрытые лечебные заведения родных миров.

Итак, среди вас представители разных рас, классов, воспитания, возрастов. На Тайшеле такое сочетание называют Геенной, на Земле – Адским котлом, на Фримме – Болотом Проклятых, а на Кальмеране – Выгребной Ямой Спасителя. Надеюсь, вы поняли? Я хочу сказать, как вам будет непросто друг с другом! Поэтому первое правило Фартума, которое многие из вас, возможно, уже слышали: «Будь вежлив с тем, кого не знаешь, и выполняй просьбы старших товарищей». Под старшими товарищами в данном случае понимаются не

те, кто старше вас по возрасту, а студенты старших курсов и преподаватели. За разжигание межрасовой розни вы будете незамедлительно отчислены из Фартума и перемещены в родной мир без возможности когда-либо воспользоваться мегапортами. Не желаете работать на благо Унии – сидите в своих норах!

Фон Ризен сделал паузу и обвел первокурсников внимательным взглядом. Те сидели тихо.

– Вернувшись в свои жилые комнаты, вы обнаружите на столах расписание занятий, схему университета, учебники, тетради, дневники, записные книжки, средства связи друг с другом и тому подобное, сконцентрированные в одной единственной полупрозрачной пластинке, которая на Тайшеле называется трансир. Носят его обычно в виде свернутого свитка в пенале, пристегнутом к поясу – там есть специальное крепление. Первое занятие сегодня, в восемь ноль-ноль, проведу я, и оно будет посвящено освоению этого нехитрого прибора. Тайшельцев, которые умеют его использовать, я попрошу помочь остальным. В дальнейшем трансир носить с собой обязательно: расписание занятий или расположение аудиторий может измениться в любой момент, кроме того, вы постоянно должны быть на связи с куратором курса и преподавательским составом. В начале пятого курса вам выдадут планеры – коммуникационно-боевые средства для участия в боевых операциях. Но поскольку вы все еще будете студентами Фартума, вам придется иметь при себе и их,

и трансиры. Имейте в виду, Фартум активирует ваши, пока скрытые, способности к рекурсии, поэтому будьте готовы к тому, что здесь называют Прорыв. Испытавшие Прорыв и получившие возможность самостоятельно путешествовать между мирами изменяют статус со студента на рекурсанта. От всей души желаю, чтобы таких здесь оказалось большинство! Поскольку я закончил краткую вводную, можете задавать вопросы.

Новички молчали, обдумывая услышанное. Конечно, вопросы еще будут, но сейчас, то ли от обилия информации, то ли от неизвестности, первокурсники никак не могли сообразить, о чем спрашивать этого лихого летающего парня с шальными глазами.

– Какова цель Фартума? – вдруг раздался спокойный голос.

Белка посмотрела на Джея, задавшего вопрос. Вот уж спросил, так спросил!

– Сплочение выходцев из разных миров в одну команду с единой целью – обеспечить гражданам Унии мирное сосуществование. Всем гражданам, – не задумываясь, ответил Конрад.

– Мы не будем разделены на группы соотечественников? – уточнил фон Морис, тот самый тайшелец, что приглашал Анджея пересесть за его столик.

– Ни в коем случае, – улыбнулся куратор, однако глаза его оставались холодны. – Я же сказал – единая команда. Среди

вас больше нет выходцев из худшего или лучшего мира, а есть студенты – преуспевающие в нелегком деле образования и не очень. Все остальное, как я уже тоже говорил, в Фартуме не приветствуется. Еще вопросы?

Все молчали. Надо было привыкнуть к тому, что ты не кальмеранец или, например, землянин, а студент, просто студент.

– Ну что ж, тогда возвращайтесь в свои комнаты, заберите трансиры и отправляйтесь на занятия. И да пребудет с вами Великая Сопричастность! – воскликнул Конрад, движением руки распахивая дверные створки. – Ах да! Прости, высокородный, я чуть не забыл о тебе!

Висящего под потолком фриммца мягко оторвало от люстры и спустило вниз. Бледный как смерть, он бросил полный ненависти взгляд на куратора и вышел, слегка пошатываясь.

– Смешные... – пробормотал Конрад себе под нос. – Прямо как мы были!

Книга 1

«Я...»

«Ты – что?»

«Ничего... Скажу, когда вернемся».

И теплые сильные губы на ее губах... Губы, которые могут быть бесстыжими или нежными, и от поцелуя которых с ней

каждый раз творится что-то странное и восхитительное...

Изабелла вздрогнула и проснулась. В комнате было холодно – окна нараспашку, легкие шторы порхают белыми крыльями, залитыми ласковым отсветом розовеющего неба. Рассвет, Тайшельский рассвет оттенка цветка лотоса. Вначале она никак не могла привыкнуть к его цвету, а потом «распробовала» и, несмотря на то, что последние пять лет прожила здесь, не уставала каждое утро радоваться, как чуду.

Она поднялась, потянулась тренированным телом, скользнула равнодушным взглядом по спящему в ее постели мужчине. Да, хорош собой, да, темноволос, худощав, мускулист. Нет, не то! Всегда не то.

Понадеялась, что не увидит его, когда вернется с тренировки.

На улице было прохладно – над морем нависли облачка, подкрашенные рассветом в цвета плаща императора: алый и пурпурный. К вечеру, возможно, пойдет дождь, и Изабелла Лакрими, вернувшись из офиса, сядет на террасе с чашкой из тончайшего фриммского фарфора смаковать похожий на прошлое, полный горечи и аромата напиток с Земли – кофе.

Изабелла ступила босой ногой на песок пляжа, махнула собранными в хвост рыжими волосами, изгоняя ненужные мысли, и побежала вдоль линии прибоя к виднеющимся вдали скалам.

Спустя три часа она сидела в своем офисе в Арлее, столице Тайшела, и проглядывала в трансире изображения кар-

тин, заявленных на ближайшую смену композиции в галерее. От обшитых солнечным деревом стен кабинета веяло теплом – ощущение скорее эмоциональное, нежели физическое, а из окна на сорок первом этаже здания было видно небо и – иногда – стремительные точки пролетающих мимо птиц.

Столешница под ладонью едва уловимо дрогнула, на поверхности отобразилось имя.

– Принять, – пробормотала Изабелла, откладывая в сторону трансир.

Напротив стола возникла туманная дымка, сформировалась в образ дамы, о возрасте которой можно было догадаться лишь по благородной седине в волосах и мудрому взгляду серых глаз. Высокую шею одетой в светлое длинное платье женщины обвивала скромная нить золотого жемчуга стоимостью в домик Изабеллы с частью пляжа.

– Рада видеть вас, Франсуаза, – Белка поднялась, – прекрасно выглядите!

– Оставь лесть, девочка, – засмеялась та, – кто прекрасно выглядит с раннего утра, так это ты, моя дорогая! Посмотрела изображения?

– Присланные вами вчера – да, а сейчас смотрю полученные ночью от моего агента с Земли. Она нашла интересного парнишку, совсем юного, не совсем адекватного, но бесспорно талантливого. Если вы не возражаете, Ваша Светлость, я отберу несколько его работ, чтобы показать вам сегодня за

ужином.

Герцогиня фон Рок кивнула и с грустью констатировала:

– Анджея мы опять не увидим... Безумная работа поглотила моего бедного перспективного мальчика!

Белка фыркнула:

– Ваш бедный перспективный мальчик – командор боевого звена Унии и приближенный императора Парфилия, – его карьерой вы можете гордиться с полным правом!

– Я горжусь, но ужасно скучаю, – пожалала плечами Франсуаза. – Если бы он женился и завел детей...

Изабелла с отсутствующим видом посмотрела в окно. У нее с Джемом еще со времени обучения в Фартуме сложились близкие, теплые и совершенно асексуальные отношения, которых не понимал никто, кроме Уолли да, пожалуй, Монти. Дэль, решившая во что бы то ни стало заполучить родовитого тайшеля в свою постель, а возможно и жизнь, откровенно сходила с ума от того, что Изабелла и Анджей, проводя так много времени вместе, не делали попыток сблизиться. Нынче об их браке страстно мечтала леди Франсуаза. Она была из тех людей, что не делят остальных по признаку рождения или богатства, а делят по признаку сердца – есть оно или нет. Представительница тайшельской аристократии при первой встрече проявила к бывшей обитательнице кальмеранской помойки искреннюю симпатию, а когда та, спустя годы, решила обосноваться на Тайшеле – помогла с выбором места для галереи, адаптацией в чужом мире и еще с ку-

чей мелочей, так важных каждой женщине. И была искренне изумлена тем, что ее сын и эта рыжеволосая миниатюрная красавица – не пара.

Герцогиня, хмыкнув, сообщила:

– Все, дорогая, я больше тебе не надоедаю! До вечера!

– До вечера, Ваша Светлость, – улыбнулась Белка и едва сдержала тяжелый вздох: Франсуаза Атенаис Клэр фон Рок была чудесна во всем, кроме желания женить сына!

Образ истаял... Изабелла снова потянулась к трансиру и увидела на нем бегущую синюю полосу: кто-то вызывал ее по зашифрованному каналу связи, известному лишь самым близким. Кто-то, не желающий показывать лицо. Она замешкалась, раздумывая, принять ли вызов, а затем решительно провела пальцем по полосе, разрешая соединение.

– М-м-м, прекрасно выглядишь! – раздался хрипловатый мужской голос, который она не чаяла услышать.

Экран оставался темным, но этот голос Изабелла узнала бы из тысяч.

– Регулярный секс и тренировки, утреннее купание в прохладной морской воде, легкий завтрак... Здоровый образ жизни, в общем, – констатировал мужчина. – Белк, я рад за тебя! Если бы не вызывающий цвет волос, ты выглядела бы как знатная тайшелка!

Несмотря на охватившее ее смятение Изабелла рассмеялась, добавив в смех яда, того самого, полного горечи яда из прошлого:

– А ты по-прежнему виртуозно хамишь, Монти, и обманываешь девушек? – поинтересовалась она.

– Злая, – ответил Демпси Монтегю, когда-то ее сокурсник, член боевого звена, а нынче неизвестный без лица. – Кошка драная!

– Ублюдок! – отозвалась Белка, неожиданно успокаиваясь.

Глупо думать, что его появление после стольких лет вызвано желанием признать свою ошибку и бросить жизнь к ногам Изабеллы! Нет, ему что-то нужно от нее. А раз так – можно поторговаться! Монтегю наравне с отцом являлся владельцем оружейной корпорации «Стальной зверь», и одним из богатейших холостяков Земли.

– Мило, – усмехнулся мужчина, – мне не хватало тебя, рыжая язва! Когда сможем встретиться?

От этой хрипотцы в его голосе у нее становилось холодно внизу живота.

– Так приперло? – скривила губы кальмеранка, не забывая, что он ее лицо видит.

– Да, – неожиданно серьезно ответил он. – Да, Белк!

– До завтра терпит? – она невольно стала использовать деловой тон, будто с клиентом договаривалась.

– Пожалуй. Я и так раздумывал, обращаться ли к тебе...

Хотела спросить, что же заставило его изменить решение, но промолчала. Что-то было в его «Да, Белк!», что-то, с чем не следовало шутить.

– Где? – коротко спросила она.

– Кальмеран, – тут же ответил Монти. Значит, уже все продумал. – Придорожный трактир у перекрестка Танцующего Скелета, знаешь? Под мороком.

– Хорошо. Когда?

– Завтра, через час после заката. Кем ты будешь?

Изабелла... Белка озорно тряхнула волосами.

– Бродячим менестрелем, а ты?

– Странствующим спивающимся рыцарем, – в хриплом голосе насмешки над самим собой было больше, чем горечи. – Белк, я не верю, что завтра увижу тебя...

Она не ответила – тряхнула трансир, отключаясь. Откинулась в кресле, тяжело дыша. Будь ты проклят, Демпси Монтегю! Жизнь казалась такой размеренной и привычно спокойной до того, как ты вышел на закрытый канал связи! На миг появилась мысль – а вдруг это ловушка? Сказать Джею? Как член боевого звена Унии она обязана сообщить командору о потенциальной опасности!

– Это же Монти, мать твою, Монти! – прошептала Изабелла и длинно, и затейливо выругалась по-кальмерански.

Что бы ни произошло в его жизни, землянин был не из тех, кто мог предать. Да и Джея дергать по пустякам не стоит!

– Филипп Говард, – вслух позвала она.

Дверь кабинета тут же открылась, как будто он подслушивал. Однако Белка знала, что это не так. Своему помощнику, Филиппу Говарду фон Рафту, мрачного вида молодому

человеку, тоже выпускнику Фартума, она доверяла безоговорочно.

– Отмени на завтра все мои послеобеденные встречи и переговоры.

– Хорошо, ноэль.

– И принеси мне кофе.

– С добавлением напитка под названием двух земных животных – коня и яка? – флегматично осведомился помощник.

– Как ты догадался? – изумилась Изабелла.

– Вы кусаете нижнюю губу, ноэль, когда взволнованы. И всегда после этого просите подать кофе с коньяком – эту редкостную земную гадость.

– Ах, негодяй, – засмеялась Белка, пропустив мимо ушей выпад истинного тайшельца. – Сейчас же неси мой кофе!

– Как прикажет ноэль! – Филлип Говард сделал зверское лицо и вышел с высоко поднятой головой.

Хозяйку он обожал, однако обладая от природы флегматично-ироничным темпераментом, выражал это весьма оригинально.

Изабелла наслаждалась кофе, когда перстень-планер, постоянно носимый ею на среднем пальце левой руки, ощутимо нагрелся: вызывал командор фон Рок.

Кальмеранка резко поставила чашку на блюдце, крикнула: – Филипп Говард, я ушла!

И исчезла еще до того, как коричневый напиток в чашке

перестал плескаться.

Спустя мгновение Изабелла стояла в одном из кабинетов Управления координации боевых операций, который принадлежал Анджею, а рядом стаскивал с себя альпинистское оборудование Уоллер Виллерфоллер, чьи черные брови и борода были густо покрыты инеем.

– Эверест, – пояснил он, ладонью смахивая начавший таять иней, – пятый раз!

– Хвастун, – улыбнулся командор фон Рок. Он стоял у огромного окна Башни Спокойствия, увенчанной рубиновой пятиконечной звездой – знаком Сопряжения. На Тайшеле этот офис Унии, называемый также Базой боевых операций Тайшел-1 (или ББО-Т1), был главным. – Еще скажи, что я тебя с вершины снял!

– С южного склона на высоте в семь с половиной! – признался Уолли. – Теперь туда хрен вернешься – зацепиться не получится. Придется все сначала!

– Ну, тебе не впервой, – рассмеялась Белка, подходя к столу и садясь в кресло.

Тайерхог, наконец, с грохотом свалил в углу оборудование и скинул комбинезон, оставшись в теплосберегающих обтягивающих трико и майке с длинным рукавом, и тоже опустился в кресло.

– Работаете втроем, – возвращаясь к столу, сообщил Джей, – третий – практикант – выпускник этого года, Рианон ТаТерон, одиночка. Белка, ты страуешь.

– Поняла.

– За вами – наблюдение и поддержка, на тебе, Уолли, основная задача. Координаты точек сближения и цели в ваших планерах. Изучите.

Изабелла закрыла глаза, мысленно активировала режим геолокации планера. Перед внутренним взором возникла черная равнина, разбитая огненными границами на сектора. Фримм. Северо-восточная часть материка Айзикель. Здесь до сих пор шло терраобразование, небо коптили вулканы, плюясь огнем и выбрасывая тучи пепла. Ракурс сдвинулся, показав один из них. «Название – Дышащий, считается действующим, но последние десять лет обходилось без извержений, – раздался в сознании голос командора. – Диаметр кратера – сто пятьдесят метров, точка цели – прямо по центру. Время захвата – доля секунды. Объект – металлический кейс. Место доставки – сюда. Вопросы?»

– Нет вопросов, – ответил Уолли, открывая глаза и поднимаясь, – отправляемся.

Джей молча кивнул. Изабелла видела по его взгляду, с каким удовольствием он пошел бы с ними, но командор на то и был командором, чтобы осуществлять общее руководство боевым звеном и страховать со стороны – на самый крайний случай.

– Давай только без цирка, – попросила Изабелла, когда они с тайерхогом рекурсировали в оружейный блок, – у меня вечером ужин с герцогиней фон Рок, надо успеть привести

себя в порядок.

– Она все еще спит и видит, как бы выдать тебя за Джея? – хохотнул Виллерфоллер.

Изабелла вздохнула.

В оружейном было пусто и темно. Когда они вышли на подиум, защелкали лампы, заливая помещение светом. Каждый из них назвал номер своего хранилища, и подиум подтянул бронированные ячейки к стартовой площадке. Спустя несколько минут Изабелла и Уолли были одеты в облегченные рубитовые костюмы, серебрящиеся, как рыба чешуя. Рубитовая руда добывалась на Тэльфоллере, по характеристикам не уступала Тайшельской стали, но весила значительно меньше, поэтому Уния предпочитала именно из нее делать спецкостюмы для своих солдат.

За спиной Изабеллы крепились два клинка, на поясе висел шокер. У Уоллера к поясу были подвешены короткий меч и кинжал – дистанционники тайерхог не любил.

В стартовой их уже ждал высокий темнокожий юноша.

– Рианон? – уточнила Изабелла, подходя.

Шлем держала в руках, давая возможность новенькому разглядеть себя.

Тот кивнул. Видно было, как сильно он волнуется – подрагивали ноздри тонкого, будто вырезанного из черного дерева носа, зрачки казались огромными, заливали красные радужки так, что оставалась лишь узкая полоска.

– Я – Белка, старшая в группе, – представилась Изабел-

ла, – мои приказы выполнять безоговорочно, не обдумывая и не возражая. Буду звать тебя Рианом для краткости. Согласен?

– Да, ноэль, – кивнул тот, – я горжусь тем, что буду в вашей группе!

– Наслышан, значит, – ласково усмехнулся Уоллер, открывая в улыбке выдающиеся вперед клыки – зрелище для того, кто не видел, устрашающее.

Однако новичок, скосив на клыки глаза, лишь выше поднял подбородок. Изабелла внутренне усмехнулась: врожденная гордость у низкородного фриммца – это интересно. Вспомнила, как в Фартуме жалела, что в их компании не оказался такой – тогда противостояние с братьями Карвинами было бы еще увлекательнее!

– Мы с тобой, Риан, отправляемся первыми. Место тебе знакомо?

В его лице промелькнула какая-то эмоция. Изабелла успела лишь уловить ее и подивиться силе, но не считала.

– Да, ноэль. Если позволите, я покажу удобное для наблюдения место.

– Хорошо, иди первым, я – за тобой. Уолли, ждешь активации точки сближения.

– Есть! – кивнул тайерхог и надел шлем: матовый, вытянутой формы, скрывающий лицо.

– Первый пошел, – скомандовала Изабелла и следом за исчезнувшим из стартовой Рианом шагнула в пустоту.

Склоны Дышащего еле заметно подрагивали – вулкан сошел во сне, клубясь паром.

Риан лежал на самом краю кратера, скрытый гребнем застывшей лавы. Изабелла, едва подошвы ботинок коснулись земли, упала ничком и подползла к нему. Над плато гулял сильный ветер. Его порывы иногда сдували дымчатую шапку над жерлом, делая воздух до невозможности прозрачным. Внутренний метроном, всегда включавшийся у Белки во время боевых операций, неожиданно пошел вразнос. Она знала, что до времени сближения еще несколько секунд, но...

Порыв ветра в очередной раз расслоил дым. Он висел над кратером, сияя новеньким металлическим бочком – голубоватый кейс с запретным содержимым. А потом начал падать.

– Где он? – шепотом закричал Рианон. – Где Уолли?!

– Спокойно, жди, – облизнув пересохшие губы, ответила Белка и на всякий случай прихватила новичка за шкурку и прижала к земле, не давая двинуться – вдруг ломанется без приказа?

С другого склона вулкана спикировала тень, перехватила почти пропавший в темноте кратера кейс и исчезла. Кто-то проглотил приманку, а у Уолли еще пара секунд до времени сближения...

Склон под ними дрогнул, а затем раздался низкий гул, как будто на бреющем полете шла имперская эскадра. Под Белкой треснула земля, тело обдало жаром. Она с силой оттолкну-

нула фриммца от трещины, и он покатился вниз по склону, сбивая вылетающие из земли струи пара, а сама рекурсировала на несколько метров в сторону.

«Страхуй Уолли!» – раздался в сознании голос командора.

Изабелла выскочила на гребень лавы и увидела, как появляется в воздухе металлический кейс – близнец первого, и как ловит его в падении неведомо откуда взявшийся Виллерфоллер.

Вулкан затрясся, как припадочный. Земная кора трещала воочию, словно ореховая скорлупа. Уолли не успел покинуть Фримм – снизу выстрелило облаком пепла, и горячий воздух ударил оборотня о внутреннюю стену кратера. Склонившись над его краем, Белка видела, как тайерхог, пальцами одной руки уцепившись за только ему видимый выступ, мотал головой из стороны в сторону, пытаясь прийти в себя от оглушившего его удара.

– Ноэль! – Риан уже стоял рядом. – Что будем делать?

– Ты играл в Фартуме в вышибалы? – спросила она.

– Конечно, – кивнул он.

– Тогда я вышибаю его обратно в точку цели, а ты – нас обоих в офис. Справишься?

– Да, – ответил новичок, и Изабелле понравилось, как он это сказал.

Не отвечая, она прыгнула в жерло, откуда уже тянуло адским пеклом недр, исчезла и появилась у другой стены. Взяв

Уолли в захват, с силой оттолкнулась ногами от камня, посылая тела в точку сближения. Мощный удар фриммца вышиб их прямо в стартовую.

Сцепившись, троица покатилась по полу.

– Слезьте с меня, – когда они остановились, простонала Изабелла. – Уолли, убери адов кейс из-под моей лопатки!

– Не могу, – ответил тот, тяжело дыша, – пока ты сама с него не встанешь!

– Тогда начнем с меня, – послышался ломающийся от нервного напряжения голос новенького, – Уоллер, твоя нога между моих... Это, знаешь ли, не очень приятное ощущение!

– Он еще и шутит, – пробормотала Белка, и засмеялась, уткнувшись лицом в плечо Виллерфоллера. – Живой? Да отпусти ты этот кейс!

Кряхтя, троица распутывала конечности и поднималась.

Командор фон Рок наблюдал за ними, стоя в дверях. А затем подошел, поднял кейс и открыв его, достал какую-то схему. Вгляделся, положил обратно, защелкнул крышку кейса и сообщил:

– Извержение началось через тридцать секунд после вашего ухода.

Изабелла внимательно посмотрела на него. Джей пожал плечами.

– Отдыхайте. И, будь добра, передай маме, что вечером я появлюсь за ужином! Уолли, Риан, присоединитесь к нам?

– Почту за честь, сублим, – тут же ответил чернокожий фриммец.

– Люблю поесть, – хохотнул тайерхог. – А еще обожаю смотреть, как твоя мама пытается поженить вас с Белкой.

Он не успел увернуться от подзатыльника. Ручка у Изабеллы была маленькой, но крепкой, поэтому оборотень только хэкнул, потирая затылок.

– Значит, до вечера, – кивнул командор и вышел.

– Уолли, заberi Риана вечером, а то он заблудится в поместье фон Роков, – попросила Изабелла.

– Конечно, – улыбнулся тот.

* * *

Известие о смерти отца настигло Анджея Карла Вильгельма фон Рока на втором годе первого курса Фартума. Но когда он вышел из кабинета ректора, вызвавшего его к себе, чтобы сообщить печальную новость, на красивом лице тайшельца ничего нельзя было прочесть.

Четверо друзей ждали его в приемной, расположенной на первом этаже ректорской башни – круглой комнате с диванами. Уолли с задумчивым видом подбрасывал и ловил нож, Дэль дремала, опустив голову на плечо Монти, а Белка играла круглыми гладкими камешками. По воровской привычке она постоянно тренировала пальцы, поэтому остальные часто и с завистью смотрели, как камешки «плывут» по ее ру-

ке, будто заколдованные, ныряя между пальцами и появляясь вновь.

– Что? Что случилось? – засыпали они вопросами своего негласного предводителя.

Анджей ответил так спокойно, что им стало стыдно за любопытство:

– Отец умер. Мне дают увольнительную на три дня – попрощаться.

И пошел прочь по коридору. Они поспешили было за ним, однако Монти преградил им дорогу:

– Дайте ему побыть одному! Идемте, лучше, потренируемся...

Уходя в противоположном направлении, Белка оглядывалась на Джея. Тот шел с прямой спиной и широко расправленными плечами, но ей становилось больно при взгляде на него, как будто он нес на себе всю тяжесть мира.

Родителей Белка не помнила. Она всегда была одна – одна в семье какой-то старухи, что заставляла их, совсем мелких, просить милостыню, а умерших от голода выкидывала в реку, как котят, в мешке с камнем. Одна – на улице, куда сбежала, когда старуха вознамерилась продать ее какому-то вонючему толстяку с пугающим блеском в глазах. Одна – среди таких же отверженных и никому не нужных уличных отбросов. Когда в ее жизни появился Сальваорес, она стала считать, что у нее есть пусть не близкий человек, но покровитель, которому она хоть сколько-нибудь дорога. Но

после его предательства Белка больше не позволяла себе надеяться. Она не жалела себя и не жалела других, так отчего ей сейчас так тяжело смотреть вслед синеглазому тайшелцу, с которым ее связывает только дружба? Дружба, что обязательно окончится после обучения в Фартуме, поскольку он вернется в свой великолепный горный мир, а она? Куда отправится она?

Сначала, к Беронцу!

Белка отделилась от компании и пошла назад.

– Эй, ты куда? – крикнула Дэль.

Она лишь качнула головой. Вернулась в приемную, поднялась по лестнице, постучалась в дверь ректорского кабинета.

– Войдите!

Изабелла вошла и остановилась навтыжку перед столом фон Тарса. За прошедшие полтора года в Фартуме стоять по стойке смирно она научилась.

– Говорите, студентка Лакрими, – не поднимая глаз от бумаг, буркнул ректор.

Слава Спасителю, что не поднимал – этот взгляд Белка и до сих пор выносила с трудом. Стараясь не смотреть на тайшельца, она уставилась на картину, висевшую над его столом и изображавшую ту самую рекреацию с часами и деревьями с красными листьями, где их компания полюбила проводить время. И выпалила:

– Позвольте мне сопровождать фон Рока на похороны от-

ца!

Фон Тарс посмотрел на Белку, и она забыла, как дышать. Наверное, выглядела как рыба на прилавке Санморского рынка. Рыба, замороженная в цельной глыбе льда!

– Почему вы решили, что ему это нужно? – с иронией спросил ректор.

Щеки Белки вспыхнули. Действительно, зачем высокородному сублиму девчонка-оборванка с Кальмерана? В качестве кого она будет его сопровождать? Прислуги? Постельной принадлежности?

Она попятилась к двери, и вдруг ощутила спиной холодок. Как будто за ней кто-то стоял...

Взгляд ректора чуть сместился – над ней и правее. На его лице не появилось ни одной лишней эмоции, но Белка поняла – он видит то, что стоит за ее спиной! И не просто видит – внимает!

– Впрочем... – пробормотал он, поднимаясь и подходя, – почему нет? Если фон Рок будет не против компании, я дам вам те же три дня увольнительных, при условии, что по истечении их вы вернетесь в Фартум, а не сбежите. А теперь идите, студентка Лакрими!

Она резко обернулась, чувствуя, как шевелятся от страха волосы на затылке. Позади никого не было.

Кальмеранка выскочила из кабинета с ощущением, что смерть только что прошла рядом... Нет, не прошла! Стояла за спиной, дышала в ухо!

Она помчалась в мужское крыло, влетела в комнату парней, как будто за ней гнались...

Джей стоял у окна, глядя в звездную темноту, что кружила вокруг университета черным вороном с алмазными крыльями. Стоял так, как будто он тоже умер.

Она подошла к нему, обняла и прижалась щекой к его спине. Глупая, глупая... Нашла в ком искать родственную душу! И ничего поделать с собой не могла – ощущала его боль, как свою.

Фон Рок развернулся и, порывисто обняв, зарылся лицом в ее волосы.

– Я... я не готов к этому, – пробормотал он, – отец был не стар и совершенно здоров, когда я отправился в Фартум! Как это могло случиться, ума не приложу!

Белка не ответила, лишь обняла крепче. Анджей родился и жил в мире, где смерть была не властительницей – нищенкой, которую гнали от порогов домов достижения медицины и природная тайшельская выносливость, вот почему она стала для него откровением. Для Белки, каждый день видевшей ее рядом с собой, как лучшую подругу, смерть являлась самой обыденной вещью на свете.

– Как мама без него?.. – снова прошептал Джей.

И впервые в голосе всегда уверенного в себе тайшельца Белка слышала отчаяние.

– Я уверена, что твоя мама – сильная женщина, она справится, – твердо сказала она. – Но тебе нужно быть рядом с

ней! Давай, я помогу собрать вещи... Что положить в сумку? И, если хочешь, я могу отправиться с тобой – ректор дал разрешение.

Анджей, отстранившись, посмотрел на нее. Его глаза подозрительно блестели, однако он улыбнулся – через силу.

– Ты тоже сильная женщина, Изабелла Лакрими! Я буду рад, если ты будешь рядом!

– Отлично! – Белка упрямо тряхнула волосами. – Тогда сейчас мы собираем твою сумку, потом – мою, и идем в Зал Приемов!

Дэль вернулась в комнату как раз тогда, когда соседка выходила из нее.

– Ты куда это? – прищурилась фриммка.

– Я отправляюсь с Джем, – пояснила Изабелла. – Мы вернемся через три дня.

– Ну, ты и прохвостка, – с завистью рассмеялась Дэль, – лучший способ привязать к себе мужика – быть рядом с ним в минуту его слабости!

Белка посмотрела на нее, как на душевнобольную, и вышла, ничего не сказав. Все равно не поймет!

Джей уже ждал ее в Зале Приемов. Рядом с ним стоял Привратник, такой, каким она помнила его по прибытии в Фартум – высокий, худой, в серой хламиде с низко опущенным капюшоном. Тонкие чуткие пальцы держали посох. Из-под капюшона выглядывали седые, давно не стриженные космы, заплетенные в косицы.

– Добрых гостей, Привратник! – поздоровалась Белка и встала рядом с Джеем, плечом к плечу.

Тайшелец с благодарностью посмотрел на нее.

– Идите в портал, – проворчал Привратник. – Сублим, я отправлю вас к входу в ваш дом, если не возражаете!

– А можете чуть в сторону – на поляну между платанами? – неожиданно сказал Джей.

– Сделаю, – кивнул тот.

У Белки внутри будто прыгал разыгравшийся котенок – она сейчас покинет Фартум и увидит Тайшел, вот это да! Сбежать не было даже в мыслях. Кальмеранка уже поняла, что в университете готовят уникальных специалистов. Грешно отказываться от подарка судьбы, подарка, который когда-нибудь позволит ей расквитаться с Беронцем!

Зал Приемов смазался, темнота ударила под дых, а затем восхитительные запахи влажной земли, зелени и росяного утра достигли обоняния.

Изабелла открыла глаза и огляделась. Вокруг стояли древние платаны, накрытые желто-зелеными кронами, как старухи гадалыщицы, что сидели на перекрестках Санмора – платками. Над головой возносилось небо. Не голубое, каким она привыкла видеть его на Кальмеране, а сливочное, с едва уловимым оттенком нежно-розового. Оно казалось какой-то сладостью, вроде зефира, и от него так и хотелось откусить кусочек.

Царил покой, пели птицы, от капелек росы на травинках

поднимались маленькие радуги.

Анджей поставил сумку и глубоко вздохнул:

– Дома.

Белка разглядывала его во все глаза, как какое-то чудо. Она никогда не говорила этого слова, и не надеялась, что когда-нибудь скажет. Есть такие опасные слова, к которым стоит привязаться, и получишь в ответ боль, например: дом, навсегда, люблю...

– Идем! – Джей подобрал свою сумку и забрал у Белки ее. – Познакомлю тебя с мамой...

– Она, правда, герцогиня? – Девушка забежала вперед, заглядывая ему в лицо и ища признаки отчаяния, но он был собран, будто перед важным экзаменом.

Кажется, она, сама того не подозревая, своими словами там, в его комнате, придала ему верный настрой!

– Правда, – он слегка улыбнулся, – но ты ее не бойся!

– Я никого не боюсь, кроме ректора, – фыркнула Белка.

Они вышли из парка и направились к дому, который выглядел даже величественнее, чем резиденция Санморского правителя. Здание стояло полукругом, будто обнимая великолепную лужайку, усаженную разнообразными цветами, украшенную скульптурами, фонтанами и беседками в кущах яростно цветущих лиан. На белоснежную лестницу страшно было ступить, и Белка замешкалась – после прогулки по траве подошвы сапог наверняка были испачканы.

Анджей оглянулся на нее с удивлением.

– Ты чего? Давай, поднимайся!

Великолепные двустворчатые двери распахнулись, и на пороге показался седой старик с такой выправкой, что Белка невольно втянула живот и потянулась вверх, стремясь выглядеть выше.

– Сублим, как хорошо, что вы приехали! – воскликнул старик, бросаясь к нему и забирая обе сумки. – Ее Светлость держится, но мы все видим, как глубока ее скорбь!

Джей потрепал его плечу, пробормотал:

– Конечно, старина, конечно.

И быстро пошел внутрь дома. Белка едва успевала за ним, по пути крутя головой во все стороны. Больше всего дом фон Роков напомнил ей публичную библиотеку Санмора – случилось ей однажды выкрадывать оттуда какую-то рукопись. То было величественное здание, построенное на деньги Обители Планиды Спасителя – крупнейшего Кальмеранского монастыря, располагавшегося неподалеку от города. С высокими потолками и стенами, отделанными плитами бело-розового камня с искусной резьбой. Конечно, здесь не было грубовато сработанных деревянных шкафов с мудростью тысячелетий, не было конторок переписчиков, с водруженными на специальные подставки древними фолиантами, с разнообразными чернильницами и аккуратно сложенными в пеналы перьями. Здешняя мебель отличалась функциональностью, легкостью и изяществом. Светильники и великолепные люстры в основном изображали разнообразные цветы,

на светлые и пушистые ковры наступать было также страшно, как и на белоснежную лестницу при входе.

Но в помещении, куда Джей привел Белку, смешали светлые и темные краски, тем самым приглушив свет. Да, белые стены огромной комнаты со столом посередине, на котором стояли сияющие витые вазоны из миглора, полные странных, сумрачно-сиреневых цветов, были ослепительно белыми, однако казались посеревшими. Такого же, сумрачно-сиреневого цвета лежали на столе широкие полосы ткани, ими были занавешены окна. Впоследствии Белка узнала, что тайшельцы подобным образом украшают комнаты в доме умершего.

За столом сидела женщина редкостной красоты, в бледно-лиловом траурном платье. Сидела с прямой спиной, аккуратно сложив руки на коленях... и смотрела прямо перед собой.

– Мама, – тихо сказал Анджей и, быстро подойдя, обнял ее, легко поднял со стула и прижал к себе. – Мама!

– Анджей! – прошептала та, утыкаясь лицом ему в грудь. – Наконец-то... Я не знала, когда ты сможешь...

– Тш-ш-ш, – он гладил ее по голове, как маленькую, – я уже здесь.

Герцогиня взглянула через его плечо и увидела Белку. Та поспешно отвела взгляд, ощущая себя не на своем месте.

– А кто это прелестное дитя? – удивилась герцогиня.

– Прости, мама, не представил! – Анджей подвел ее к Белке. – Моя однокурсница и подруга – Изабелла Лакрими с

Кальмерана. Изабелла – это моя мама, герцогиня Франсуаза Атенаис Клэр фон Рок.

Белка замешкалась, раздумывая, нужно ли ей кланяться, делать реверанс, или еще что-нибудь, и очень удивилась, когда герцогиня просто взяла ее за руку. Пальцы у нее были тонкие и бледные, как произведения ювелирного искусства, но сильные.

– Очень рада познакомиться с подругой моего сына, – улыбнулась Франсуаза, выделив слово «подруга». – Ах ты, Великая Сопричастность, вас же надо устроить!

Она тронула изящный матовый браслет на запястье, и в комнату тут же заглянула приятная девушка в форменной одежде.

– Покажите нашей гостье ее покои, Мирми! Изабелла, вам следует переодеться к прощальному ужину.

Белка с ужасом вспомнила о том, что у нее нет ни одного платья, однако Джей пришел на помощь:

– Мы – студенты Фартума, мама, нам полагается носить форму.

– А, ну тогда конечно, – кивнула герцогиня.

Изабелла выдохнула и поспешила за горничной.

Выделенные ей покои оказались трехкомнатными, с шикарным бассейном и таким навороченным санузлом, что она тысячу раз возблагодарила Спасителя за то, что тот в свое время познакомил ее с Дэль, которая прекрасно разбиралась в подобных технологических наворотах.

– Прощание в семь, ноэль, ужин – в восемь. А сейчас освежитесь и отдохните. Вам что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо!

Белка отпустила прислугу царственным взмахом руки, на мгновение представив себя женщиной по имени Франсуаза. И ей стало смешно. Девчонке с Кальмерана разве суждено носить платья с такой королевской грацией, иметь такой цвет, а главное выражение лица, как у высокородной тайшелки?

Она отправилась в ванную, приняла душ, на всякий случай почистила форму и сапоги, и в одном белье упала на огромную кровать, на которой можно было лежать вдоль, поперек и по диагонали – место, явно рассчитанное не на одного человека! Подумав об этом, Белка хмыкнула. Странное чувство духовного родства, что робко проросло тогда, когда она неожиданно рассказала Джею о своем аресте и попадании в Фартум, для нее оказалось куда более удивительным и ценным, чем возможность завести с ним постельную интрижку. К ее облегчению, Анджей, похоже, думал так же, и, несмотря на то, что проводил вдвоем с кальмеранкой много времени, подтягивая ее по многим предметам, никогда не делал попыток соблазнить. Изабелла не призналась бы никому, но за это она горячо благодарила Спасителя, ведь для нее после Сальваореса не осталось в близости ни неизведанного, ни интересного. Однако поначалу она переживала за Джея, поскольку считала, что с ним что-то не так, раз он не приста-

ет к ней, а напрямую спросить не решалась. Но однажды она застала его в одном из укромных мест университета, целующимся с девушкой на курс старше и... испытала облегчение. По всей видимости, у Анджея существовали определенные принципы, включающие запрет на романы с девушками из своей «команды». Он и на Дэль, которая была намного красивее подруги и всячески пыталась обратить на себя его внимание, с самого начала реагировал с обычным дружелюбным спокойствием.

Белка, наслаждаясь ничегонеделанием и удобством кровати, провалялась до вечера, и была готова к назначенному времени. Когда раздался стук в дверь, она поправляла манжеты белоснежной рубашки, выглядывающие из-под обшлагов форменной куртки.

– Войдите!

На пороге показался Джей, и на мгновение Изабелле захотелось обнять его, как тогда в комнате, такие боль и напряжение виднелись в его зрачках, в обострившихся скулах и сжатых губах. Наверняка, он провел все это время у гроба отца, вспоминая и прощаясь.

Белка никогда ни с кем не прощалась.

– Идем, – сказал он, – церемония не длинная и не сложная. По тайшельскому обычаю приглашенные на прощание проходят слева от гроба, касаются руки умершего и вспоминают что-нибудь хорошее, связанное с ним. Но ты просто стой рядом со мной.

Девушка молча кивнула.

В огромной комнате, задрапированной сиреневым, были открыты окна, и лиловые занавески печально колыхались на ветру. Аромат сиреневых цветов, целого моря сиреневых цветов, стоящих в вазах вдоль стен и в середине помещения – у гроба, не был тяжел, однако сердце от него сжималось, будто от горечи сожалений. Черета людей показалась Белке бесконечной. Герцогиня стояла в стороне, и Джей встал рядом с ней. Страшась чужих взглядов, кальмеранка юркнула ему за спину – отсюда она могла, оставаясь незамеченной, наблюдать за происходящим.

Тайшельцы двигались размеренным строем, как на параде. Легкое касание руки умершего, иногда поклон, и уже подходит следующий серо или синеглазый, с выражением печали или задумчивости на породистом лице. Недаром о них ходили легенды как о сверхлюдях – столько красавцев и красавиц, собранных в одном месте, Белка не видела никогда!

Лежащий в гробу мужчина с благородным профилем казался спящим. Девушке казалось, что она узнает в мертвом лице черты Джея, и от этого ей было странно – тот мертвый, этот, живой, рядом. Возможно, впервые она задумалась о смерти не как о необходимой части бытия, а как о категории.

От раздумий отвлекли гортанные крики.

Герцогиня судорожно вздохнула и сделала шаг вперед. Джей держался на полшага позади. Белка осталась на месте.

В комнату, двигаясь так слаженно, будто синхронно танцевали, вбежали вооруженные люди в боевых мундирах, усиленных рубитовыми щитками. Воины выстроили коридор, который вел к гробу. Спустя мгновение вошел седовласый тайшелец. Он был очень высок и широкоплеч, и двигался с тяжелой грацией воина – Изабелла понимала толк в таких вещах. За ним следовал молодой мужчина, похожий на пожилого так, что не возникало никаких сомнений в прямом родстве. Седовласый прошел к гробу между солдатами, отеснившими шеренгу прощающихся, и положил руку на руку герцога фон Рока.

Белке показалось, что все присутствующие затаили дыхание. От тайшельца исходило такое ощущение силы и власти, что девчонке с Кальмерана захотелось спрятаться подальше или склониться в поклоне. Но она упрямо вздернула голову. Все, что пугало – вызывало в ней протест и желание взять верх. Даже этот огромный человек с сильными и чуткими руками... убийцы.

Седовласый повел плечом. Коридор из солдат тут же переместился к герцогине фон Рок. А он уже шагал по нему – широко и уверенно, как у себя дома.

Франсуаза начала приседать в глубоком реверансе, однако он не дал ей его закончить – взял за плечи и на мгновение прижал к себе. Отпустил. Взглянул на Джея.

Белка следила за ними, затаив дыхание. Нет, она никогда не видела столько красивых и полных силы людей, собран-

ных в одном месте!

– Будь сильным, Анджей Карл Вильгельм, – сказал тайше-лец и вдруг... посмотрел на Белку.

Девушка обмерла. В глубине синих глаз седовласого мелькнули и пропали насмешливые демоны. Наклонившись, он поцеловал Франсуазу в лоб, развернулся и пошел прочь.

– Мои соболезнования, герцогиня, – сказал подошедший к ней юноша с глазами такими же синими, как и у отца.

И она ответила:

– Благодарю вас, наследник Тсалин!

Юноша пожал Джею руку и быстро ушел за седовласым. Одна за другой пары солдат с оружием самого устрашающего вида покинули помещение, оставляя за собой тишину сродни кладбищенской, которая спустя несколько мгновений развеялась шепотками:

– Император был здесь!

– Фон Рок был его другом!

– Император лично пришел попрощаться!

Герцогиня, бледная как смерть, пошатнулась. Белка, успевающая замечать все, бросилась к ней и поддержала, в ту же минуту и Джей обнял мать.

– Благодарю, дитя, – прошептала Франсуаза девушке, тяжело опираясь на ее руку, – ничего, сейчас пройдет... Здесь душно.

Душно не было. Из благоухающего цветами сада во все огромные окна задувал свежий ветер, не давая горечи сире-

невых цветов стать отупляющей.

Поздно вечером, после церемонии прощания и ужина, на котором собрались только близкие друзья и сослуживцы фон Рока, Белка лежала в постели, вспоминая события прошедшего дня. Ей казалось, горький аромат еще витает в воздухе, но, скорее всего, это печалился дом по своему хозяину – человеку по имени Карл Вильгельм Густав. Человеку, которого Белка не успела узнать.

Скрипнула дверь. В комнату зашел Джей, прошел к кровати, сел на край. Изабелла молча смотрела на него. Ей было сильно не по себе – в такие минуты любой мог проявить слабость и попросить ласки! Даже Анджей...

Но вместо поцелуев и страстных объятий он тихо произнес:

– Спасибо за то, что была со мной сегодня... И рядом с мамой тоже!

Белка повыше подтянула одеяло – легла голой, и погладила его плечу:

– Ты справился, Джей! Как и твоя мама! Она – восхитительная женщина!

Анджей нежно улыбнулся.

– Восхитительная, ты права.

– А скажи мне, тот седой... Это, правда, император?

– Да, император Парфилий. Отец работал в его прямом подчинении.

– А юноша – его сын?

Джей кивнул.

– Наследник Тсалин.

– А почему их имена так отличаются от тех, что носят тайшельцы?

– Император должен отречься от семьи и своего прошлого, он принадлежит только родине, – пояснил Джей. – Имена берутся из древнетайшельского языка, на котором и до сих пор ведутся службы в наших храмах, и несут положительный вербальный заряд. Парфилий – означает благоденствие. Тсалин – процветание.

– А как выбирают имена?

– Их не выбирают. Когда наследник становится совершеннолетним, он проводит ночь Посвящения в бдениях в алтаре главного храма и выходит оттуда с именем, которое каким-то образом уже знают и он сам, и священнослужители.

– Мысли читают? – хмыкнула Белка.

Джей пожал плечами, но не улыбнулся.

– Не знаю. Мы склонны видеть в этом божественное провидение.

Он неожиданно склонился к ней, и она сжалась, почувствовав близкое тепло его тела. Но тайшелец бережно поцеловал ее в лоб, усмехнувшись, поправил одеяло.

– Белка, ты мне как сестра, – сказал он, – не надо меня бояться!

– Я... – она отвела взгляд. – Я не боюсь...

Как сказать ему, что ждать от мужчины попытки овладеть,

даже от такого, близкого друга, – привычка девчонки с Кальмерана, от которой не так просто избавиться?

Джей поднялся и подошел к окну.

– Наверное, в твоей жизни в родном мире все было совсем не просто, – сказал он и впервые за день позволил себе растянуть верхнюю пуговицу мундира. – Я почти ничего не знаю о Кальмеране, кроме тех сухих фактов, что мы изучаем в Фартуме. Да, это немало, но это – теория! Расскажи мне?

Изабелла мгновение подумала, а потом попросила:

– Отвернись, я оденусь. А то чувствую себя рыбой на прилавке.

– Я лучше выйду, – засмеялся Джей. – Когда будешь готова – позови.

Едва он покинул комнату, она выскользнула из-под легчайшего одеяла и натянула чистую футболку и спортивные брюки, которые носила в свободное от учебы время.

– Заходи!

Джей устроился в кресле у окна.

– И что тебе рассказывать? – улыбнулась кальмеранка, сев поверх одеяла и скрестив ноги.

Он пожал плечами.

– Что угодно...

Изабелла внезапно поняла – Анджей пришел, потому что не может быть один. Семейный врач фон Роков, статный мужчина с висками, посеребренными сединой, что-то давал выпить герцогине после ужина – и глаза той почти сразу на-

чали закрываться. Горничные увели ее в покои, чтобы уложить спать. А Джей не принимал никаких лекарств, и в доме, полном аромата сиреневых цветов, не мог уснуть, ощущая потерю каждую минуту – как кровоточащую рану на сердце.

– Что тебе рассказать... – пробормотала Белка.

И заговорила негромко, глядя в пустоту. В пустоту, в которой Кальмеран раскрывался, как дивный цветок, полный лесов, полей, холмов и птичьего гомона. Став старше и научившись, благодаря Сальваоресу, неплохо владеть мечом и, еще лучше, ножом, Белка часто уходила за городские стены и подолгу гуляла одна, минуя разноцветные квадраты полей по едва видимым тропкам, валяясь в стогах сена и бездумно глядя в небо. В такие моменты она не была настороже, как всегда в стенах города, и, честно говоря, ей было хорошо. Проблемы начинались, когда она возвращалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.